

ПИСЬМА ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА К АЛЕКСАНДРЕ ЧЕБОТАРЕВСКОЙ

Публикация А. В. Лаврова

Говоря о том, насколько значимой была роль Вячеслава Иванова в жизни высшего культурного слоя предреволюционной России, Федор Степун в очерке о нем особо подчеркивал, что этот поэт и мыслитель был «подлинным перипатетиком», одним из создателей «единой безуставной вольно-философской академии»: «В его петербургской, а позднее московской квартире всегда собиралось великое число самого разнообразного народа и бесконечно длилась, сквозь дни и ночи, постоянно менявшая свой предмет, но никогда не покидавшая своей верховной темы беседа. Более симпозионального человека, чем Вячеслав Иванов довоенной эпохи, мне никогда уже больше не приходилось встречать».¹ «Симпозиональное» начало в личности Иванова выделяли, как самую приметную и замечательную черту, и другие его современники. С. А. Аскольдов, например, считал, что Вячеслав Иванов, наряду с Андреем Белым, единственный гениальный писатель после Достоевского, но, в отличие от Белого, «мало раскрыл свою гениальность, она больше чувствовалась в личных беседах с ним»,² — а Е. В. Аничков, завсегда давая «симпосионов» на ивановской «башне», утверждал: «Едва ли можно назвать другого поэта, которого все существование, вся личная жизнь в такой мере поднялась бы до постоянного, превратившегося в какое-то основное занятие или служение, экстаза, прерываемого лишь несколькими беглыми и короткими часами обыденной жизни».³ Почти в унисон с ними говорил об Иванове и Н. А. Бердяев: «Это был самый замечательный, самый артистический козёр, какого я в жизни встречал, и настоящий шармёр. Он принадлежал к людям, которые имеют эстетическую потребность быть в гармонии и соответствии со средой и окружающими людьми», — и добавлял слова, весьма существенные для развертывания нашего локального сюжета: «В. Иванов был виртуозом в овладении душами людей. Его пронизывающий змеиный взгляд на многих, особенно на женщин, действовал неотразимо. <...> Его отношение к людям было деспотическое, иногда даже вапирическое, но внимательное, широко благодетельное».⁴

«Симпозиональность», безусловно, была одной из частных жизненных форм воплощения универсальной «соборной» устремленности Иванова и в то же время одной из форм синтетического творческого самовыражения, в которой, на манер афинской школы, возможно было сочетать отвлеченное умозрение, теоретическую

мысль с импровизированной свободой живых человеческих контактов. Выражалась эта особенность и в конкретных повседневных проявлениях, ярче всего — в специфическом игровом быту, сложившемся в петербургской квартире Иванова, на знаменитой «башне».⁵ О. Дешарт составила краткую хронику ее заселения:⁶ немногим более года обитателями квартиры были только Иванов и его жена, Л. Д. Зиновьева-Аннибал, но в окружении множества гостей, в начале 1907 г. там ненадолго обособились Волошин с женою, затем — Константин Шварсалон, сын Зиновьевой-Аннибал от первого брака, и Лидия, дочь ее и Иванова (территория «башни» разрасталась — была занята соседняя квартира и соединена с основной); позже присоединились новые постоянные обитатели — А. Р. Минцлова, М. А. Кузмин, в 1908 г. 14 недель прожил Иоганнес фон Гюнтер, время от времени обретался Ю. Н. Верховский, подолгу наездами останавливались В. Ф. Эрн, Ф. А. Степун, Андрей Белый; постоянно бывали и многочисленные визитеры, приходившие к Иванову для «аудиенциальных» бесед.

Становище на «башне» — зримое воплощение той атмосферы, которая царила вокруг Вячеслава Иванова постоянно. Самоочевидно, что в одиночестве поддерживать ее Иванов был бы не в силах: «симпозиональность» требовала и определенных внешних организационных усилий по ее поддержанию, и внутренней энергии участников этого спонтанного интеллектуального хора. Бердяев справедливо подметил, что в своем умении овладевать душами людей Иванов особенно неотразимо действовал на женщин. Женщины исполняли исключительно значимую роль в деле сохранения вокруг Иванова «хорового», «соборного» ореола. Одни из них принадлежали к типу мудрой Диотимы («башенное» второе имя Зиновьевой-Аннибал), участницы духовного пиршества, или евангельской Марии, молитвенно внимающей речам-откровениям, были взыскующими и благодарными собеседницами — как, например, Евгения Герцык, sorella — сестра Иванова, по его собственному определению. Другие, как трудолюбивая и рачительная Марфа, заботились о внешней, организационно-материальной стороне, обеспечивающей духовный «симпосион», — как многолетняя домоправительница семьи Ивановых Мария Михайловна Замятина. Александра Николаевна Чеботаревская, другой ближайший друг ивановской семьи, сочетала в своем отношении к Иванову черты «небесной» Марии и «земной» Марфы, она «заботилась и суежилась о многом» и вместе с тем «избрала благую часть, которая не отнимется у нее» (Лк X, 42).

Александра Чеботаревская — Кассандра, как прозвали ее в родной семье,⁷ — была одновременно и духовной ученицей Иванова, восприимницей его философско-эстетических построений, и почти членом его семьи, помощницей в житейских делах. Вспоминая в позднейшей дневниковой записи о М. М. Замятиной, М. Кузмин отметил, что Иванов и Зиновьев-Аннибал «умели пробуждать бескорыстную и полнейшую к себе преданность в людях честных, великодушных и несколько или бесплодно романтических, или наивных»;⁸ это же наблюдение с полным правом можно переадресовать и к Чеботаревской. Старшая сестра более известной в символистской литературной среде Анастасии Чеботаревской, жены Ф. Сологуба, Александра, по характеристике Д. Е. Максимова, «была человеком аскетического склада, глубоким и отзывчивым»; знавшая многих крупных писателей, жившая интересами и ценностями «новой» поэзии, русского и западноевропейского символизма, она особенно сблизилась с Вячеславом Ивановым, с которым «поддерживала многолетнюю, страстную и, в последний период ее жизни, очень мучительную для нее дружбу».⁹

Александра Николаевна Чеботаревская родилась 12 апреля 1869 г. в Новом Осколе (город в Курской губернии). Отец, Николай Николаевич Чеботаревский, был в Курске адвокатом, с 1880 г. в Москве; мать, Анастасия Николаевна (урожденная

Берлизова, выросла в помещичьей семье в Курской губернии),¹⁰ когда Александре еще не исполнилось 9-ти лет, заболела психическим расстройством, быстро развивавшимся и приведшим к смерти в 29-летнем возрасте (материнская наследственность, безусловно, сказалась в предрасположенности к душевным недугам и у Александры, и у Анастасии Чеботаревской). Александра осталась старшей в семье из 7 детей, обосновавшейся в Москве. Младшая сестра Александры, О. Н. Черносвитова, сообщает в биографической справке о ней: «Дети вскоре получили махеху, семья все росла, жизнь становилась все труднее и в моральном, и в материальном отношении, т<ак> к<ак> заработки отца упали в новом городе, где его никто не знал как адвоката. Вся тяжесть и сложность этой жизни падала на хрупкие плечи десятилетнего ребенка Сани уже в силу того, что она являлась старшей в семье, к тому же девочка была не по летам серьезная и вдумчивая; неурядицы, нужда, болезни детей — все это как бы ловилось ее горячим сердцем: всех она любила без конца и края, по мере сил облегчала и скрашивала существование. Такой эта девочка и осталась на всю жизнь: из узких рамок своей незадачливой семьи она перенесла эту любовь на все, что ее окружало: людей, природу, родину, искусство, науки и больше всего на литературу. Это хорошо знают все, ее встречавшие на жизненных путях. Ал<ександра> Ник<олаевна> получила среднее образование в московской, тогда лучшей по составу научных сил, гимназии С. А. Арсеньевой, но вся ее дальнейшая жизнь, рядом с неустанной творческой работой, была накоплением знаний. Еще в гимназические годы она прекрасно изучила иностр<анные> языки, немецкий, фр<анцузский> и англ<ийский>, а в зрелые годы еще итальянский и начала изучать испанский: читала всегда иностр<анную> литературу в подлинниках. Seriously занималась историей живописи и сама была прекрасной рисовальщицей. В Москве, наряду с работой, слушала лекции по истории и литературе, а впоследствии во время проживания в Париже вся уходила в научную работу, посещая публичную библиотеку, Сорбонну, Collège de France, Высшую школу общественных наук, как французскую, так и русскую, открытую группой опальных профессоров во главе с М. М. Ковалевским <...>».¹¹

Еще в последних классах гимназии, по свидетельству О. Н. Черносвитовой, Александра Чеботаревская начала литературную деятельность: ее первые переводческие опыты печатались в «Русских ведомостях», затем в серии «Научно-популярная библиотека „Русской мысли“» (вып. VII) была издана в ее переводе монография о крупнейшем французском историке-медиевисте — «Фюстель-де-Куланж» проф. П. Гиро (М., 1898). Позднее переводы, выполненные Чеботаревской (подписанные полным именем или инициалами), регулярно появлялись в журнале «Русская мысль», среди них — «Комическая история. Роман из театрального мира» Анатоля Франса (1908. № 4—6; новейший перевод — под заглавием «Театральная история») и его новеллы (1907. № 4), «сказочки» Франсиса Жамма (1918. № 1/2) и отрывки из дневника Катюля Мендеса «Семьдесят три дня Коммуны» (1918. № 1/2, 3/6), романы «Дингли» братьев Жерома и Жана Таро (1907. № 6) и «Изаиль» Геннинга Бергера (1907. № 10—12), цикл рассказов Генриха Манна «Злые» (1908. № 8), статья Гуго фон Гофманстала «Жизнь в произведениях Гюго» (1902. № 5) и т. д. Отдельными изданиями в переводах Чеботаревской увидели свет «Проповедник» Арне Гарборга (М., б. г.), «Исповедь простого человека (Воспоминания фермера)» Эмиля Гильоме-на (СПб., 1906), «Монна Ванна» Мориса Метерлинка (СПб., 1903; в соавторстве с Анастасией Чеботаревской), «Лики дьявола» Ж.-А. Барбе д'Оревильи (СПб., 1908), «Повести, сказки, легенды» Мультигули (СПб., 1907; с большой вступительной статьей) и его же «Рассказы» (СПб., 1919), «Ночи революции» Ретифа де ла Бретона (М.; Л., 1924),¹² ряд других книг; некоторые выполненные ею переводы (сказки братьев Grimm, «Михаэль Кольхаас» Генриха фон Клейста, «Ган Исландец» и «Труже-

ники моря» Виктора Гюго, «Крестьянин» Вильгельма фон Поленца, «Искусство и его деятели в период Великой французской революции (1789—1795)» М. Дриберюса и др.) остались неопубликованными.

Менее интенсивно, но достаточно регулярно Чеботаревская выступала в периодике со своими статьями и рецензиями. В частности, в «Русской мысли», где с конца 1890-х гг. началось ее постоянное сотрудничество, были напечатаны ее статьи «Бёклин и его искусство» (1903. № 5), «Художник-друг (Посмертная выставка произведений М. В. Якуничковой)» (1905. № 4), «Жизнь Мопассана» (1908. № 11). Статьи и рецензии Чеботаревской о новинках литературы, о театре, живописи появлялись в библиографическом отделе «Русских ведомостей», а также в газете «Речь». Литературные занятия постоянно совмещались у нее с другими видами культурно-просветительской деятельности. О. Н. Черновитова свидетельствует: «В молодые годы ее увлекала педагогическая работа, она учила детей, молодежь, рабочих (воскресные курсы) <...>. Для заработка много работала в редакциях в Москве «Русские Ведомости», «Русская Мысль», в Петрограде — «Былое», «Отечество», «Речь» и друг.). Служила несколько лет в московской комиссии по организации домашнего чтения — культурное начинание для помощи самообразованию главным образом в провинции московских профессоров и доцентов (около 200 членов) под председательством профессора Павла Гавриловича Виноградова. Как всегда, и здесь эта работа для заработка отвечала в то же время *идейному* складу Александры Николаевны; только тогда работа была для нее приемлема».¹³

Ко времени знакомства и дружеского сближения с Вячеславом Ивановым Александра Чеботаревская была уже вполне зрелым человеком: в 1903 г. ей исполнилось 34 года. Тем не менее, оказавшись в начале этого года в аудитории Русской высшей школы общественных наук в Париже, организованной М. М. Ковалевским, на курсе лекций Иванова о дионисийстве, она охотно вошла в роль благодарной ученицы. Почва для освоения и принятия многих заветных ивановских идей во многом уже была подготовлена: вполне в унисон с теоретическими построениями и чаяниями Иванова о всенародном, соборном искусстве, идущем на смену индивидуалистическому творчеству, которые будут развиты им в 1904 г. в программных статьях «Поэт и чернь» и «Копье Афины», звучат постулаты, сформулированные Чеботаревской в статье «Бёклин и его искусство»: «Отчуждение между художником и народом в наше время составляет одно из самых больных мест искусства. Но Бёклин не был в числе таких художников. Он принадлежал к тем огромным величинам, которые понятны самому простому уму и дают современной Европе надежду на то, что в будущем удастся, быть может, завоевать вновь утраченное единство, взаимное понимание между художником и народом, их взаимодействие, утерянное человечеством почти с средних веков».¹⁴

Рассказ Чеботаревской о начале знакомства с Ивановым записал М. С. Альтман 5 октября 1921 г.: «Едва мы, группа москвичей, узнали, что в Париж придет В. И. и будет читать лекции по греческой религии („Эллинская религия страдающего бога“), мы записались на эти курсы и с нетерпением стали ожидать приезда В. И., которого никто из нас не знал, но которым все заинтересовались. Мы знали только, что В. И. живет в Швейцарии, где ведет очень уединенный и замкнутый образ жизни. Приехал В. И., и курсы начались. Раз я сижу в Национальной библиотеке и занимаюсь. Проходит В. И. со своими книгами. Так как нам было обратно по дороге ехать omnibusом совместно, я уславливаюсь с В. И. (я уже была с ним знакома, но один раз только до этого имела с ним несущественный разговор), что после занятий позову его. Окончив занятия, я подошла к его столику, он мне подает исписанную бумажку (она до сих пор хранится у меня) с обращением „Кас-

сandre". Это был сонет, впоследствии помещенный под этим именем в „Прозрачности“». ¹⁵ Посвящение я просила снять, ибо стихотворение было очень ответственно. Так, там было написано: «Ты, новая, затеплишь Александра...» Каждый мог меня спросить: «Да что ж Вы такое сделали, оправдали ли Вы пророчество?» Помню, когда я прочла впервые этот сонет, я ничего не поняла, но обращение «Кассандре» меня поразило. Дело в том, что у меня два брата классика, и бывало, еще с детства, желая меня дразнить, <они> становились передо мной, чертили круг и вопили: «Tragoedia, tragoedia — греческий козел!» — и называли меня Кассандрой. <...> Поэтому я была необычайно поражена, когда В. И., меня почти совершенно не знающий, вдруг называет меня Кассандрой». ¹⁶

Обыгрывание Ивановым в сонете «Кассандре» («Пусть говорят: „Святыня — не от Жизни“...») имен *Кассандра* — *Александра* отсылает к ономастическим уподоблениям, зафиксированным еще в эпоху античности: в ряде мест Пелопоннеса указывали могилу и храм троянской пророчицы Кассандры, отождествляемой с местным божеством Александрой (зафиксировано в «Описании Эллады» Павсания), в поэме Ликофрона (IV—III вв. до н. э.) «Александра» безумная дочь Приама, Кассандра, носит имя Александры. Это обстоятельство отмечено Ивановым в эпитафиях, преданных тексту стихотворения в автографах: «Александра — другое имя Кассандры», «Sich des Halben zu entwöhnen... Goethe» («Отвыкать от половинчатости. Гете»). Автограф стихотворения, переданный Ивановым Чеботаревской (под заглавием «А. Н. Ч—ой»), сохранился в его архиве; на обороте листа — ответная записка Чеботаревской: «Вы меня страшно расстроили. Не знаю, верно ли я поняла, кое-что хотелось бы переспросить. В Ваших предположениях для меня чересчур много лестного. Это — совпадение, или Вы знаете, что в семье братья и сестры зовут меня не Ал<ександрой>, а Кассандрой?.. Стихи чудные. А. Ч.» ¹⁷ Еще один автограф стихотворения, с заглавием-посвящением «А. Н. Чеботаревской» — видимо, переданный Чеботаревской Ивановым после возвращения ею первого автографа с ответом — вклеен в альбом, содержащий и другие посвященные ей стихотворения. ¹⁸ С легкой руки Иванова Чеботаревская стала Кассандрой не только для ближайших родственников, но и в более широком кругу лиц.

Автограф другого обращенного к ней стихотворения Иванова, «Осенью», вошедшего в «Прозрачность» с посвящением «Ал. Н. Чеботаревской», также наклеен в ее альбоме. ¹⁹ Датированное 16/3 октября 1903 г. (в печатном тексте датировка отсутствует), это стихотворение отражает следующий этап их дружеского сближения — пребывание Чеботаревской в ивановском доме в Шатлене (Швейцария), а заключительные его строки («Ты повилики закинула тонкие // В чуткие сны тростника») воспроизводят один из эпизодов их совместной жизни, о котором Чеботаревская поведала Альтману: «Я раз гуляла и нарвала массу цветов повилики. Их набрался такой огромный ворох, что я не знала, куда с ними деться, и бросила их в речку, они поплыли, и так как по берегам росли высокие тростники, то они оцепились вокруг них, и получилась очень красивая картина повилик в тростниках. В. И. увидел, как я бросила цветы, и завопил, по своему обыкновению. Но потом, увидев, как повилики застряли в тростниках, остановился, задумчиво любуясь ими. Это было под вечер. А на второе утро В. И. повел нас в беседку <...> и прочел мне и Лидии Дмитриевне написанное им стихотворение». ²⁰ Картина, запечатленная в нем, стала для Иванова настолько неотторжимой от образа Чеботаревской, что третье посвященное ей стихотворение, впервые опубликованное в 1906 г. и вошедшее в раздел «Северное солнце» книги Иванова «Сог Ardens», было озаглавлено «Повилики» и представляло собой развитие того же образного строя: «Повилики белые в тростниках высоких», «А зарей задеты тростники живые // Грезят недопелые сны вечеровые». ²¹ Впрочем, рождение этого стихотворения напрямую было сти-

мулировано, по ее признанию, самой Чеботаревской, хранившей память о прежних поэтических «повиликах»: «...раз, гуляя по берегу Хопра (приток Дона), я увидела, как в прибрежные тростники вплелись повилки, и так высоко, что почти достигали тростниковых верхушек. Я взяла повилки, высушила их и несколько из них вложила в письмо мое к В. И. В. И. прислал мне ответ и в нем две строфы „Повилик“»; Иванов дополнил этот рассказ собственной трактовкой стихотворения и отраженной в нем символики своих отношений с Чеботаревской: «Повилки — символ верности, тростники — символ поэта. Повилки в тростниках — это Ваша связанность с моей судьбой, Ваша верность мне».²²

Стихотворные послания, адресованные Чеботаревской, дополняются обращенными к ней же надписями Иванова на своих публикациях в периодике и на книгах — отражающих то же чувство прочной связанности их судеб.²³ Но наиболее полное документальное воплощение взаимоотношения Иванова и Чеботаревской нашли в их переписке: в московском архиве Иванова хранится около 100 писем Чеботаревской к нему, в фонде Чеботаревской в Пушкинском Доме — 23 письма Иванова. Такая диспропорция объясняется, с одной стороны, тем, что переписка отложилась в архивах Иванова и Чеботаревской не целиком — ее звенья разорваны: часто письма представляют собой ответы на послания, которые утрачены (при этом отсутствуют не только многие письма Иванова, но и значительное число писем Чеботаревской: их общий корпус должен был превышать число сохранившихся писем). С другой стороны, характер эпистолярного поведения корреспондентов был различным: письма Иванова чаще всего — это либо более или менее развернутые приветствия по тому или иному поводу или без конкретного повода, либо выражения благодарности за выполнение тех или иных поручений, либо — реестры просьб делового и бытового содержания. Многие же письма Чеботаревской — это своего рода «агентурные сведения», доставляемые Иванову (из Москвы в Петербург или из Петербурга за границу): подробные отчеты о событиях литературной и околосредовой жизни; в этом отношении они представляют собой ценный документальный источник не только для изучения биографии Иванова, но и для общего представления о том, что происходило в кругу русских символистов.²⁴ Такие письма Чеботаревской не предполагали развернутых ответов, поэтому естественно, что писем Иванова в корпусе переписки значительно меньше, чем писем Чеботаревской. Эти обстоятельства, а также и то, что Иванов и Чеботаревская подолгу жили вблизи друг от друга, т. е. не нуждались в эпистолярном контакте, обусловили отрывочный характер переписки, которая менее всего напоминает письменный диалог. К основному корпусу переписки Иванова и Чеботаревской примыкает переписка Чеботаревской практически со всеми членами ивановской семьи — с Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, Верой Шварсалон, Лидией Ивановой и малолетним Димитрием Ивановым, М. М. Замятниной. Эти документы также дают дополнительные штрихи к истории взаимоотношений Иванова и Чеботаревской.

Уже самые первые письма Чеботаревской к Иванову исполнены безграничного пиетета перед адресатом. Она признается, отправляя ему оттиск своей статьи «Бёклин и его искусство», напечатанной в «Русской мысли» (26 июня н. ст. 1903 г.): «...посылаю ее Вам, потому что иначе не могу выразить Вам всего моего глубокого к Вам уважения, моего искреннего преклонения перед Вашим талантом, моей в него веры... Это будет памятью о человеке, которому Вы, сами того не подозревая, так много сделали, которому Ваши лекции, Ваши стихи были так необходимы именно в эти минуты, когда он много думал и много мучился над вопросами искусства и жизни и отношений между ними. Когда-нибудь (!) наверное (!) я напишу что-нибудь такое, что доставит Вам хоть самое-самое маленькое удовольствие, — ради этой

цели я буду ждать».²⁵ Она обращается к Иванову за поддержкой и консультациями в своих литературных опытах, советуется с ним — как назвать статью о Гюставе Море, «как назвать очерк о Бальм<онте> — „Б<альмонт> и его лирика“?»²⁶ Многим обогащенная в ходе общения с Ивановым, Чеботаревская, со своей стороны, сыграла в его жизни весьма заметную роль; эта роль выражалась и в постоянной деловой помощи (так, уже в первый год их знакомства, находясь в Шатлене, Чеботаревская, по ее собственному признанию, вместе с Ивановым трудилась над подготовкой к печати его книги стихов «Прозрачность»: «...она была мне и продиктована, и мною переписана, и вообще эта книга обязана и мне своим возникновением»²⁷), и в расширении круга ивановских знакомых и друзей: например, в содействии сближению Иванова с М. О. Гершензоном, с которым она была дружна еще до встречи с Ивановым (Гершензон помогал ей в получении литературных и переводческих заказов).²⁸

В 1905—1906 гг., после переезда Иванова в Петербург и начала многолюдных собраний в его квартире на знаменитой «башне», происходит некоторое отдаление между ним и Чеботаревской (сказавшееся и в оскудении переписки), явно ее уязвлявшее: «Приятно бывает иногда хоть из газет узнать, что „друзья“ живы и здоровы, что они живут на старом месте, что у них собираются по средам и т. д. и т. д. ...», — писала она Иванову из Москвы 8 января 1906 г.²⁹ Чеботаревская бывала наездами на ивановской «башне»,³⁰ но определенно не оказывалась там в центре внимания. Контакты ее с Ивановым и его семьей заметно активизировались после безвременной смерти Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, последовавшей 17 октября 1907 г. в Загорье Могилевской губернии.³¹

1 октября 1908 г. Е. К. Герцык отметила в записной книжке: «Вокруг Вяч. его женщины».³² Подразумевалась в первую очередь оккультистка А. Р. Минцлова, оказывавшая тогда на Иванова, после смерти жены, в течение довольно длительного времени исключительно сильное духовное влияние,³³ но, безусловно, обозначенная совокупность ивановских «женщин» включала в себя не на последнем месте и Александру Чеботаревскую. Сохранилось 15 ее писем к Иванову за 1909 год — значительно больше, чем за какой-либо из предшествовавших годов их знакомства; и личное их общение в том же году чрезвычайно интенсивно.³⁴ Примечательное сообщение содержится в недатированном письме (предположительно февраль 1909 г.) С. И. Дымищ-Толстой, жены А. Н. Толстого, к М. А. Волошину: «Алехан просит тебе передать слух, что Вячеслав Иван<ов> женится на Александре Чеботаревской».³⁵ Слух этот, видимо, не был совершенно беспочвенным, он указывал на какой-то сдвиг, на какое-то новое содержание во взаимоотношениях Иванова и Кассандры, тайное или достаточно явное, которое определилось после смерти Зиновьевой-Аннибал. В сознании Чеботаревской, во всяком случае, на рубеже 1900-х—1910-х гг. — до поры, когда еще не стал реальностью союз Иванова с Верой Шварсалон, — эти новые мотивы и психологические подтексты выдвинулись на первый план, представляя собой сплетение противоречивых переживаний и устремлений.

Одно из ее писем к Иванову этой поры, от 9 января 1909 г., начинается обращением, контрастирующим с обращениями в письмах предшествовавших и последующих: «Милый, дорогой, любимый».³⁶ Другое письмо Чеботаревской к Иванову, недатированное, черновое и неотправленное, вбирает в себя сложную гамму чувств, вызванных воспоминанием о давнем разговоре, относящемся к 1906 году, между ним и Л. Д. Зиновьевой-Аннибал в ее присутствии:

«Л<идия> не б<ыла> больна еще, это б<ыло> вскоре после ее возвращения> из-за границы. Но в этот день с утра она б<ыла> горько-тревожна.

<...> мы пили чай за мал<еньким> столом. Вы курили и ходили по комнате. Вдруг: „Вяч<еслав>, Вяч<еслав>, я думаю: когда я умру, на ком ты женишься?“ И через неск<олько> незнач<ительных> фраз: „Женись на К<ассандре>, она честная и не сд<елает> тебя несчастным. Слышишь?“ Вы что-то мычите в ответ. Я не выдержала. Мне показ<алось> (м<ожет> б<ыть>, с интелл<игентской> точки зрения), что меня обидели, что на меня посм<отрели>, как на вещь. Мне б<ыло> очень больно. Я, опустив глаза в стакан, сказала: „Я бы предпочла, чтобы такие вещи говорились не в моем присутствии“. Тогда она сказала: „Глупая, глупая, глупая“. Потом спешно встала, обошла вокруг стола и охватила мою шею голой рукой из-под красного рукава, твердя: „Глупая, глупая. Ведь я всегда страшно рада, покойна, счастлива, когда вы около него. Вот выдумала. Обиделась“ — и еще к<акие>-то незначительные слова в этом роде. Тогда я поняла, что я действительно глупая, но эти слова я запомнила. Мне надо было иметь как<ую>-нибудь опору, когда Вы отталкивали меня и смеялись, особ<енно> над м<оей> честностью. Я про себя тогда как заговор повторяла: „Ж<енись> на К<ассандре>, она честная“ — и это меня успокаивало. Тогда я считала, что я около вас не лишняя. Так было до сих пор. <...>

А все-таки было бы хорошо, если бы Вы ж<енились>. Надо понимать это очень серьезно. Л<идия> не думала иначе. Она только хотела, чтобы это не было источником *несчастья*. Счастья, она знала, что без нее никто тоже не даст.

Моя песня уже спета. Как бы вы теперь ни отнеслись ко мне, какой бы вдруг неожид<анный> переворот себе ни представить, — на пути важное препятствие — израсход<овано> чересчур много сил. Молодости, *необход<имой>* для этого, даже *вы* мне даже при всех невозможных условиях мне *не* вернете. Она ушла. <...>

Вот видите, все это говорить вам побуждает меня все та же глупая моя и неудобная *честность*.

Вот какие дела.

Вы грезите, а мы *живем*». ³⁷

Скрытые упреки в невнимании и душевном эгоизме, звучащие в подтексте этого письма, выступают наружу в другом письме Чеботаревской к Иванову, также датированном и неотправленном черновике, в котором запечатлена та же внутренняя борьба, сказывается то же сочетание неизбежного тяготения к Иванову и оскорбленности его холодностью и безучастностью:

«Сегодня я вспоминала мое последнее преб<ывание> у Вас, и оно показалось мне сплошь каким-то чудов<ишным> недоразумением. Как чиста я в своей вечной любовной и дружеской преданности Вам и в<ашей> семье и как черны и грязны были подозрения, кот<орые> мне пришлось выслушать, не знаю за что, благодаря чему или кому. Только с высоты моего бескорыстного отн<ошения>, в кот<ором> совершенно нет ничего личного, и моего вечного страдания за Вас могу я смотреть на эти несправедливые речи и даже кары, кот<орые> постигли меня и на кот<орые> я не могла ни отвечать, ни возражать, благодаря моей разбитости. Не ведаете Вы, что творите. Бог с Вами и да хранит он Вас. Я слишком устала бороться с постоянными подозрениями, которые на 8-м году нашего знакомства в боль<шей> силе, чем были в первые времена. Чем больше я буду бескорыстна и добра, тем, разумеется, Вы больше будете подозревать меня в каких-нибудь черных или грязных замыслах, ибо вся жизнь моя — чудачество и своевольное осуществление какой-то чужой, не моей воли. Поэтому многим непонятная». ³⁸

Все эти переживания, безусловно, скрывали под собой глубокое чувство, утаенное, неразделенное и доставлявшее немало страданий; чувство, дополнительно усугубленное и отягощенное особенностями индивидуального психического строя Чеботаревской, часто принимавшего обостренные и даже болезненные формы. Иногда оно прорывалось наружу — как в одной из ее исповедальных записей, относящейся, по всей вероятности, к тому же времени:

«Тот, кого я люблю, далек, и его письма не оживляют меня. Я вижу его окруженным множеством других артистов, художников, женщин... Тупая боль и безнадежность давят душу. Сегодня я думала о нем непрестанно, и думала дурно. Вспоминала все его главные недостатки, его ошибки, промахи, его самовлюбленность художника, его презрение к чужой душе, его бесчувственность. Счастье или несчастье было встретить такого человека. Разумеется, несчастье. Вечная тревога, вечное опасение за каждый миг. Холодный, жестокий, влюбленный в себя, расчетливый, брр... брр. Как могла я, горячая, страстная, самозабывающаяся, как могла я отдать ему свою жизнь, ничего за нее не получая. Я вспомнила все свои муки и заплакала. Как оградиться от него? Навсегда! Уйти совсем, совсем, не думать, не знать, не видеться. Забыть, забыть! Довольно он пил мою кровь. Одни разлуки, одни слезы, одни опасенья... У других жизнь складывается иначе. Порвать, порвать. Гордо отойти, ни слова не сказав. Терпение истощилось. Всему конец. Я заплакала еще сильнее безудержно, безнадежно, когда представила себе, что мне останется, когда я лишу его.

Милый! без конца, без края, без меры моя любовь к тебе! Вечная, неизбывная, огромная как море. Радость! я пройду всю землю и припаду к твоим ногам. Звук голоса твоего для меня — счастье мира...»³⁹

Остроту этих душевных волнений, видимо, приглушила кардинальная перемена в жизни Иванова в 1912 г., окончательно убедившая Чеботаревскую в не востребованности ее чувства, — его отъезд за границу с падчерицей, Верой Константиновной Шварсалон, рождение их сына и последовавший брачный союз. В этой ситуации, долгое время утаивавшейся даже от близких Иванову людей, но тем не менее обросшей кривотолками и даже скандальными конфликтами, Чеботаревская встала на защиту моральной репутации Иванова; в письмах к нему она в подробностях излагала обстоятельства, едва не приведшие к дуэли между М. А. Кузминым и братом Веры С. К. Шварсалонем, вступившимся за честь своей сестры.⁴⁰ Когда положение дел окончательно разъяснилось и для самой Чеботаревской, она красноречиво и недвусмысленно высказалась в письме к Вере, отправленном из Петербурга в Рим 5 декабря 1912 г.: «...только 2-го ноября, после многих бесплодных попыток, я узнала то, что мне так нужно и так дорого было знать. Узнала от одной доброй женской души, отнесшейся ко мне по-сестрински и по-человечески ответившей на мои многочисленные вопросы. Узнала все светлое, все радостное, чего я так жаждала и что было для меня все еще под спудом. Верушка, какую радость внесло в мою жизнь рождение тобою сына! Каждый день с тех пор мысленно благословляю его, и в нем — тебя и Вячеслава, и люблю его, и вас всех люблю по-новому <...>».⁴¹ В изменившихся обстоятельствах связь Чеботаревской с семьей Иванова даже упрочилась: лето 1913 г. она провела в Силламягах вместе с Лидией, старшей дочерью Иванова; тесная дружба продолжилась, когда Ивановы возвратились в Россию и обосновались в Москве.

Свое понимание творчества Вячеслава Иванова и преклонение перед ним Чеботаревская пыталась передать в форме аналитической статьи-лекции. Статья, однако, написана не была, сохранились лишь самые предварительные и хаотические черновые наброски (6 рукописных листов), представляющие собой некий ворох из отдель-

ных наблюдений, размышлений и фиксаций тем, требующих развернутой интерпретации. Из этих набросков, относящихся к началу 1910-х гг., приведем лишь несколько — те, в которых более или менее внятно проступает авторская мысль:

«*Кормчие Звезды*. Сам<ым> ярким блеском горит у В. И. свет Бога. В. И. пост<оаянно> предст<авляет> истинную тайну дионисианства <...> В царство <?> недр — тайн спустился Ницше, туда же снизошел В. И. Ницше для него только пример, а не образец. Он пон<ял> Д<иониса> <...> не как голос миров<ой> воли, а как сплетение между смертью и ж<изнью>. 2-я кормчая звезда — это Гераклит. Идея изначального огня, всепоглощающего и рождающего, и эта идея сплелась с идеей Д<иониса>. Обе эти идеи оплодотворили душу нашего „пламенника“, и он созд<ал> св<ои> лучшие вещи».

«Как кончил Ницше, так приблизительно кончил и Тантал. Это сам<ое> близкое по мысли воплощение немец<кого> философа».

«Вот 3 кормчие звезды, но этих кормчих звезд гораздо больше. Тут вы найдете и Гете, и Новалиса, и [Бод<лера>] „ботаника зла“... Хочется упомянуть еще 1 звезду, это *народность*. Верный сын края долготерпения нашел эту черту, мало выдвинутую цветущим эллинизмом. <...> Конечно, Д<ионис> — огонь, но тут Дионису подает руку древ<няя> русск<ая> мифология (Заря-заряница); эта славянск<ая> нота нашла отзвук в первом ученике В. И. Сергее Городецком, и дионисиазм свил себе прочное гнездо в нашей поэзии. Символ — это сверхполнота представления. Символ<ическая> речь прилив<ает> к вам волнами. Отливая, она оставл<ает> осадок, и этот осадок — символ».

«Этот дионисийский экстаз, в кот<ором> живет наш поэт, отразился и на его языке. Предмет изумления для его поклонников и предм<ет> нападков для его врагов. Что сделалось с язык<ом> в руках этого кудесника. Мы словно присутств<уем> при юности это<го> языка. <...> Если бы бы<ло> принято для совр<еменных> поэтов сост<авлять> словари, то вряд ли кто-либо из поэтов оказ<ался> бы богаче нашего. И при этом вечное алкание. И поэт берет снова свой молот и кует, кует, пока не выкует, что ему нужно. Националь<но?> строгое единство, строгая цельность его языка. <Нет> тех галлицизмов, кот<орыми> пестрят произв<едения> н<ыне> покойн<ого> И. Ф. Анненского, остр<ых?> облич<ающих> его фр<анцузскую> натуру. Конечно, не всегда> хорошо. Не нрав<ятся> мне *маллийный, рыжеско-космий* (для нимф, наяд), но неуд<ачных> слов мало <...> В общ<ем> можно преклониться перед этою творческой силой наш<его> поэта. Но откуда же словотворческая сила нашего поэта? Только греч<еский> яз<ык> достиг<ает> словотворч<еской> силы. Корень в дионисийстве, дифирамбе греч<еском> <...> Из поэт<ов> недифирамбистов только Эсхил сравнился с ним. В. И. перенес на русск<ий> язык ту свободу, кот<орую> он видел у греч<еского> дион<исийского> Возрождения. Так новатор во всех областях д<олжен> б<ыть> новатором и в обл<асти> стихосложения. Но в этом у него только *нормальное* богатство. Я не подсчит<ывала>, но думаю, что Бальмонт превзошел его».

«Счастл<ивое> сочет<ание> филолога и поэта. <...> Все указ<анные> свойства намечают его как буд<ущего> перевод<чика> Эсхила, и он уклоняться не может. Кто может, тот должен».⁴²

Непосредственному творческому содружеству Чеботаревской и Иванова суждено было осуществиться на стезе художественного перевода. С годами для Чеботаревской переводческая деятельность стала основным литературным занятием, дававшим ей материальный достаток и определенное профессиональное удовлетворение. Самым масштабным ее трудом в этой области стал перевод романов и

новелл Ги де Мопассана: в Полном собрании сочинений французского писателя, начатом в 1909 г. петербургским издательством «Пантеон» и завершеном в 1912 г. издательством «Шиповник», из 30 томов, составивших это издание, ею полностью переведены 14 (тома 3, 6—8, 10, 16, 20, 21, 24, 25, 27—30);⁴³ выполненные Чеботаревской переводы Мопассана неоднократно переиздавались и в позднее время.⁴⁴ Первой совместной переводческой инициативой Чеботаревской и Иванова стал мистический «сведенборгианский» роман Оноре де Бальзака «Серафита» («Séraphita», 1835), ранее на русском языке не появлявшийся,⁴⁵ книга планировалась для выхода в свет в серии «Орфей» московского символистского издательства «Мусагет». В объявлении о готовящихся изданиях, помещенном в конце книги Андрея Белого «Символизм», значилось: «Бальзака. Серафита. Пер. Ал. Чеботаревской. Вступительная статья Вячеслава Иванова. (Выйдет в августе 1910 г.);»⁴⁶ указанный срок соответствовал предварительным договоренностям,⁴⁷ однако работа над переводом не была завершена — возможно, отчасти и потому, что руководителю «Мусагета» Э. К. Метнеру роман Бальзака не показался интересным и в силу этого продвижение перевода со стороны издательства не было стимулировано.⁴⁸ В архиве Чеботаревской перевод «Серафиты» представлен лишь начальными страницами чернового текста.⁴⁹

До благополучного завершения, однако, было доведено другое совместное переводческое начинание Иванова и Чеботаревской — «Госпожа Бовари» («Madame Bovary», 1857) Гюстава Флобера. Идея перевода на русский язык произведений великого французского мастера овладевала Ивановым и ранее,⁵⁰ поэтому он охотно откликнулся на предложение З. И. Гржебина, руководителя издательства «Шиповник», взявшегося за подготовку Полного собрания сочинений Флобера в новых переводах, с комментариями и приложениями.⁵¹ Предполагалось, что Чеботаревская переведет роман, а Иванов осуществит сквозную редактуру представленного ею текста. Чеботаревская завершила свою работу в конце 1910 г.⁵² и передала перевод Иванову, который, со своей стороны, сумел спутать все предварительно намечавшиеся издательские планы, трудясь сообразно со своими привычными навыками, о которых позже напишет: «...у меня, старца, другой темп: что у Вас месяц, у меня год».⁵³ Его дочь вспоминает в связи с работой над «Госпожой Бовари»: «Когда дело шло о редакции перевода, Вячеслав обыкновенно спокойно, не желая думать о сроках, назначенных издателем, брал сначала текст оригинала, с любовью в него вчитывался, затем брал поданный ему перевод и начинал не торопясь его перечитывать, переделывать, перерабатывать во всех тонкостях, так что от первоначального текста не оставалось камня на камне. Это обычно вызывало бурные реакции переводчика и нередко кончалось серьезной ссорой. Вячеслав не обращал на это внимания: ему прежде всего важно было спасти художественное произведение».⁵⁴ Чеботаревская, в ходе совместной работы над текстом энергично возражавшая Иванову, в конце концов признала правомерность его редакторских решений (см. п. 10).⁵⁵ У нас нет возможности сравнить первоначальный вариант перевода, выполненный Чеботаревской (он, видимо, не сохранился), с окончательной его версией, возникшей в результате редактуры Иванова, однако, вчитываясь в опубликованный текст, нельзя не заметить в нем специфически ивановских «следов» — характерных для него стиливого рисунка, фразеологии, словоупотребления, синтаксических построений (возможно, впрочем, что какие-то кажущиеся нам «ивановскими» особенности возникли не в результате его редакторской правки, а присутствовали изначально в тексте Чеботаревской, которая могла испытывать в ходе переводческой работы силовое воздействие ярко индивидуальной стилиевой системы Иванова). В нескольких, почти

наугад выбранных фрагментах текста перевода «ивановские», как нам представляется, приметы выделены курсивом:

«Воспоминание о виконте неотвязчиво волновало ее при чтении. Она сближала его с лицами вымысла. Но круг, которого он был центром, мало-помалу, расширялся, и его сияющий шлейф, отделяясь от его лица, распространялся все дальше и озарял другие мечты» (ч. 1, гл. IX).⁵⁶

«Ее плоть, облегченная, казалось, утратила свой вес, начиналась другая жизнь <...> Окропили святою водою простыни ее постели; священник вынул из дарохранительницы белую облатку Агнца; изнемогая от небесной радости, протянула она губы, чтобы принять тело Спасителя, ей преданное. Полог ее алькова мягкими волнами надувается, как облако, а лучи от двух свечей, горевших на комод, мшились ей венцами слепительной славы» (ч. 2, гл. XIV).⁵⁷

«Она медленно повернула голову и, видимо, обрадовалась, увидя фиолетовую эпитрахиль, — переживая, быть может, среди осенявшей ее глубокой внутренней тишины утраченную сладость своих первых листических восторгов <...> она вытянула шею, как жаждущий, которому дают пить, и прильнула губами к телу Богочеловека, изо всех своих слабеющих сил напечатлела на нем самый страстный поцелуй любви, какой когда-либо дарила в жизни. Потом священник <...> помазал очи, ненасытно искавшие земных прелестей; потом ноздри, жадные до благоухающих дуновений и лобострастных запахов <...> и наконец ступни ног, некогда столь быстрых и проворных, чтобы бежать на зов желаний <...>» (ч. 3, гл. VIII).⁵⁸

После выхода в свет перевода «Госпожи Бовари» новых совместных работ Чеботаревской и Иванова не затевалось. С годами их взаимоотношения все более и более развивались преимущественно в сфере быта, ставшего предметом особых хлопот и волнений в годы пореволюционной разрухи, а после двух смертей, осиротивших ивановскую семью, — М. М. Замятниной, домоправительницы (7 апреля 1919 г.), и Веры, жены Иванова и матери его сына (8 августа 1920 г.), — Чеботаревской пришлось взять на себя значительную часть забот по хозяйству. На протяжении трех с половиной лет (1920—1924), проведенных Ивановым, в должности университетского профессора классической филологии, вместе с детьми в Баку, на попечении Чеботаревской оставалась его московская квартира в Большом Афанасьевском переулке — имущество, библиотека, рукописи (часть ивановских книг она, живя тогда в Петрограде, передала на сохранение другим писателям).⁵⁹ Когда ранней осенью 1921 г. дочь Иванова Лидия заболела брюшным тифом, Чеботаревская приехала в Баку на помощь семье, там же ей пришлось обихаживать и его самого, заболевшего желтухой.⁶⁰ «Александра Николаевна, которая была нашею отрадой и помощью целый год, покидает нас», — сообщал Иванов Ф. Сологубу в письме из Баку от 31 августа 1922 г.⁶¹ Планировавшийся повторный приезд Чеботаревской в Баку не состоялся, взаимоотношения поддерживались перепиской — уже не только с Вячеславом и Лидией, но и с десятилетним Димитрием,⁶² — вплоть до возвращения Иванова в Москву летом 1924 г.

Отъезд вграничную командировку, о которой Иванов безуспешно хлопотал еще в 1920 г.,⁶³ на этот раз удалось осуществить: 28 августа 1924 г. Иванов с семьей выехал из Москвы в Италию. Чеботаревская проводила их на вокзале. На протяжении ряда лет Иванов продолжал держаться как лояльный по отношению к советским властям командированный, но уже 4 мая 1925 г. вполне недвусмысленно признался в письме к Э. К. Метнеру: «В Россию же решил не возвращаться».⁶⁴

Распрощавшись — как оказалось, навсегда — с Кассандрой в августе 1924 г., Иванов оставил в ее распоряжении значительную часть своего имущества, а также библиотеку и почти весь свой рукописный архив⁶⁵ (ныне эти материалы рассредо-

точены по различным фундам в архивохранилищах Москвы и Петербурга). После их расставания Чеботаревской суждено было прожить всего полгода.

10 марта 1925 г. поэтесса М. М. Шкапская оповестила М. А. Волошина: «...две недели тому назад утопилась в Москве-реке сестра Анастасии Николаевны — Александра Николаевна Чеботаревская, ее спасли, но она умерла через 3 часа от слабости сердца».⁶⁶ Произошло это трагическое событие 22 февраля 1925 г., в день похорон близкого друга Чеботаревской М. О. Гершензона. «Вы угадываете, чего стоило мне пережить страшную весть», — написал Иванов из Рима 27 июля 1925 г. О. А. Шор (О. Дешарт).⁶⁷ Последняя сообщила позднее о смерти Чеботаревской: «...всегда нервно беспокойная, она страдала припадками мучительной тоски, грозно свидетельствующими о гнездящейся в ней наследственной душевной болезни. <...> Часто стала она забегать к М. О. Гершензону; в его светлом духовном мире она искала утешение. Неожиданно Гершензон умер <...> В большом зале Гос. Академии Художественных Наук, 22 февраля состоялось отпевание <...>. Вдруг к месту, близ гроба, откуда произносились речи, ринулась Чеботаревская; указывая простертой рукой на умершего, она закричала: „Вот он! Он открывает нам единственно возможный путь освобождения от всего этого ужаса! За ним! За ним!“ И она стремглав, дико убежала. Бросились ее догонять друзья; среди них Ю. Н. Верховский, Н. К. Гудзий. В течение нескольких часов они за нею гонялись по улицам, подворотням, лестницам. Наконец, хитростью безумия ей удалось от них скрыться. В тот же день вечером нашли ее мертвое тело в Москве-реке. (Несмотря на зимнюю пору, была оттепель, и река оказалась частично незамерзеной)».⁶⁸ Потрясенные друзья и родственники Чеботаревской хотели подготовить и выпустить в свет книгу ее памяти, но ничего из этого намерения не получилось.⁶⁹

Разумеется, гибель Александры Чеботаревской заключала в себе психиатрическую, наследственную составляющую — повторяла обстоятельства самоубийства в 1921 г. Анастасии Чеботаревской, бросившейся в воду с дамбы петроградского Тучкова моста. Однако у любой болезни, и у психической в частности, могут быть разные внешние условия протекания — способствующие преодолению недуга или, наоборот, этот недуг обостряющие. Условия, которые предлагала общественная ситуация в России в 1925 г., для людей того круга и того типа мышления и чувствования, к которому принадлежала Чеботаревская, безусловно, являли собой именно второй случай. И в этом отношении скромное литературное имя Александры Чеботаревской оказывается по праву принадлежащим к тому бесконечному мартирологу загубленных деятелей русской культуры, отсчет которому был задан в октябре 1917 года.

Письма Вячеслава Иванова к Александре Чеботаревской печатаются по автографам, хранящимся в ее архиве в Рукописном отделе Пушкинского Дома (РО ИРЛИ, ф. 189, № 92).⁷⁰ В публикацию не вошли две кратких недатированных записки Иванова, а также тексты его телеграмм.

За помощь в подготовке публикации и за предоставление использованных материалов выражаем глубокую благодарность Роберту Бёрду, Д. В. Иванову, Н. В. Котрелеву, Джону Мальмстаду, М. М. Павловой, А. Б. Шишкину.

¹ Степун Ф. Встречи. Мюнхен, 1962. С. 143.

² Аскольдов С. А. Письма к родным / Публ. А. Сергеева // Минувшее. Исторический альманах. Paris, 1991. Вып. 11. С. 319. (Письмо к сестре от 7 июля 1934 г.).

³ Аишчиков Е. Новая русская поэзия. Берлин, 1923. С. 43.

⁴ Бердяев Н. Собр. соч. Т. 1. Самопознание (опыт философской автобиографии). Paris, 1989. С. 176—177, 178.

⁵ См.: *Shishkin A.* Le banquet platonicien et soufi à la «Tour» pétersbourgeoise: Berdjajev et Vjačeslav Ivanov // *Cahiers du Monde russe.* 1994. Vol. 35. (1—2). Т. 2. (Un maître de sagesse au XXe siècle: Vjačeslav Ivanov et son temps). P. 15—79; *Шишкин А.* Симпозион на петербургской Башне в 1905—1906 гг. // *Русские пиры.* СПб., 1998. С. 273—352 (Альманах «Канун»; Вып. 3); *Богомолов Н. А.* Петербургские газифиты // *Богомолов Н. А. Михаил Кузмин: статьи и материалы.* М., 1995. С. 67—98.

⁶ *Иванов Вяч.* Собр. соч. Брюссель, 1974. Т. 2. С. 823—825.

⁷ Под таким домашним именем она, в частности, упоминается в письмах Ан. Н. Чеботаревской к О. Н. Черносвитовой за 1897 г. (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 5, № 8).

⁸ *Кузмин М.* Дневник 1934 года / Под ред. со вступ. статьей и прим. Глеба Морева. СПб., 1998. С. 68.

⁹ Письма и дарственные надписи Блока Александре Чеботаревской / Публ. Д. Е. Максимова // *Блокковский сборник.* Тарту, 1964. С. 549. Сведения об Александре Чеботаревской в связи с ее взаимоотношениями с Вяч. Ивановым см. также в комментариях О. Дешарт (*Иванов Вяч.* Собр. соч. Т. 2. С. 724—726) и К. Ю. Лаппо-Данилевского (*Альман М. С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб., <1995>. С. 125—127).

¹⁰ См. черновые наброски к биографии Ал. Н. Чеботаревской (РО ИРЛИ, ф. 189, № 1, л. 6).

¹¹ Российская национальная библиотека, ф. 1136, № 63, л. 1—2. Далее: РНБ. В архиве Чеботаревской сохранилось свидетельство о полученном ею звании домашней учительницы французского языка от 28 мая 1887 г. (РО ИРЛИ, ф. 189, № 223).

¹² Современный исследователь, отмечая в этом переводе «досадные отклонения» от оригинала, признает его «живость, разговорность, непосредственность», а также указывает, что переводчица «местами несколько архаизирует текст, стремясь создать колорит русского языка конца XVIII в.» (*Буачиозе Г. С.* Ретиф де ла Бретон в России // *Ретиф де ла Бретон Н.-Э. Свращенный поселянин. Жизнь отца моего.* М., 1972. С. 633).

¹³ РНБ, ф. 1136, № 63, л. 3.

¹⁴ Русская мысль. 1903. № 5. Отд. II. С. 137.

¹⁵ См.: *Иванов Вячеслав.* Прозрачность. Вторая книга лирики. М., 1904. С. 116.

¹⁶ *Альман М. С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым / Сост. и подгот. текстов В. А. Дымшица и К. Ю. Лаппо-Данилевского; Статья и комментарии К. Ю. Лаппо-Данилевского. СПб., <1995>. С. 98—99.

¹⁷ Российская государственная библиотека, ф. 109, карт. 2, № 43. Далее: РГБ. Текст записки приведен в примечаниях Р. Е. Помирного в кн.: *Иванов Вяч.* Стихотворения. Поэмы. Трагедия. СПб., 1995. Кн. 2. С. 292 («Новая Библиотека поэта»). В автографе стихотворения предварительные варианты строк — ст. 6: «Ковчег сжигая, мнят, что жгут в нем Бога, —»; ст. 8: «Но ты блюда елей твой у чертога».

¹⁸ РО ИРЛИ, ф. 189, № 202, л. 1.

¹⁹ Там же, л. 2; *Иванов Вяч.* Прозрачность. С. 75.

²⁰ *Альман М. С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым. С. 99—100.

²¹ *Иванов Вяч.* Сог Argdens. М., 1911. Ч. 1. С. 133. Автограф стихотворения (без заглавия и посвящения) — в альбоме Чеботаревской (РО ИРЛИ, ф. 189, № 202, л. 3).

²² *Альман М. С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым. С. 100.

²³ В архиве Чеботаревской сохранились отгиски публикаций Иванова с надписями: «Дорогой Александре Николаевне от неизменно преданного автора» (Эллинская религия страдающего бога. Введение, гл. 1 // *Новый Путь.* 1904. № 1), «Дорогому другу Кассандре Вяч. Ив.» (Стихотворения // *Вопросы жизни.* 1905. № 2), «Сибилле Кассандре Вяч. Ив.» (Из Бодлэра // *Вопросы жизни.* 1905. № 3), «Другу Кассандре Николаевне на память об Октябре 1905. СПб. 21. X Вяч. Ив.» (Кризис индивидуализма // *Вопросы жизни.* 1905. № 9), «Дорогому другу Кассандре во имя общих заветов и *Лидии Вяч. Иванов*» (Речь, произнесенная на чествовании памяти В. Ф. Комиссаржевской 7 марта 1910 г. // *Ежегодник императорских театров.* 1910. Вып. 2), «Кассандре — о нас — с нашей любовью. Вяч. Ив.» (Венок сонетов. Из книги «Любовь и Смерть» // *Аполлон.* 1910. № 5), «Кассандре, сердечному другу Вяч. Иванов» (О границах искусства // *Труды и Дни.* 1914. № 7), «Кассандре мистической В. И.» (Мой дом. Мистический цикл // *Русская Мысль.* 1916. № 9) (РО ИРЛИ, ф. 189, № 244), «Дорогой Александре Николаевне Чеботаревской Вяч. Иванов» (Чурлянис и проблема синтеза искусств // *Аполлон.* 1914. № 3) (Там же. № 235); в собрании

М. С. Лесмана — книга Иванова «Родное и Вселенское. Статьи (1914—1916)» (М., 1917) с надписью: «Дорогой Александре Николаевне Чеботаревской в радостный день нового свидания. С любовью Вяч. Иванов. 14/27.III.18» (Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана. Аннотированный каталог. Публикации. М., 1989. С. 102).

²⁴ Фрагменты из этих писем Чеботаревской к Иванову вошли, в частности, в подборку «Блок в незадуманной переписке и дневниках современников (1898—1921)» (Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1982. Кн. 3. С. 409—410, 417—418, 427—429).

²⁵ РГБ, ф. 109, карт. 36, № 20.

²⁶ Письмо к Иванову от 5 января 1904 г. (Там же). Рукопись статьи Чеботаревской «Поэт настроений (По поводу сборников стихотворений К. Д. Бальмонта)» хранится в ее архиве (РО ИРЛИ, ф. 189, № 9).

²⁷ *Альтман М. С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым. С. 100.

²⁸ Первые письма М. О. Гершензона к Чеботаревской относятся к 1902 г. (РО ИРЛИ, ф. 189, № 79). См. характеристику Чеботаревской в воспоминаниях дочери Гершензона (*Гершензон-Чегодаева Н. М.* Первые шаги жизненного пути. М., 2000. С. 24—25).

²⁹ РГБ, ф. 109, карт. 36, № 20.

³⁰ См., например, дневниковые записи Иванова от 15 и 17 августа 1906 г. (*Иванов Вяч.* Собр. соч. Т. 2. С. 752, 754).

³¹ 24 октября 1907 г. Чеботаревская отправила Иванову телеграмму соболезнования: «Всеми мыслями, всею душою с вами в общем ужасном горе. Чеботаревская»; из телеграммы к нему же от 5 ноября выясняется, что Чеботаревская предлагала Иванову после похорон пожить со всей семьей у нее в Москве: «Еду сегодня, понедельник, в шесть часов тридцать, намереваясь увезти вас всех к себе. Чеботаревская» (РГБ, ф. 109, карт. 36, № 20).

³² *Герцык Е.* Воспоминания. М., 1996. С. 210.

³³ См.: *Богомолов Н. А.* Русская литература начала XX века и оккультизм. Исследования и материалы. М., 1999. С. 53—109.

³⁴ Следы этих встреч зафиксированы в дневниковых записях Иванова — например, в записи от 7 сентября 1909 г., в которой упоминаются его неосуществленные творческие замыслы: «Болтал с Кассандрой. Рассказал ей и проект комедии, и проект романа, из чего увидел, что этот новорожденный проект в самом деле и строен, и осуществим» (*Иванов Вяч.* Собр. соч. Т. 2. С. 803).

³⁵ РО ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, № 1186. Алехан — А. Н. Толстой.

³⁶ РГБ, ф. 109, карт. 36, № 20.

³⁷ РО ИРЛИ, ф. 189, № 48. Значительная часть знаков препинания, отсутствующих в автографе, восстановлена нами по смыслу.

³⁸ Там же.

³⁹ РО ИРЛИ, ф. 189, № 2, л. 21.

⁴⁰ См.: *Богомолов Н. А.* К одному темному эпизоду в биографии Кузмина // Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тезисы и материалы конференции 15—17 мая 1990 г. Л., 1990. С. 166—169; *Азадовский К.* Эпизоды // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 123—129.

⁴¹ РГБ, ф. 109, карт. 36, № 29. Ср. признание Чеботаревской в письме к М. О. Гершензону от 6 февраля 1913 г. об Иванове: «Мое отношение к последнему, после всей боли, в кот<орой> я дошла до конца, и ввиду новых некоторых открывшихся тут обстоятельств как-то стало совсем спокойным и уверенным» (РГБ, ф. 746, карт. 43, № 23).

⁴² РО ИРЛИ, ф. 189, № 13. Вероятно, последние приведенные здесь фразы Чеботаревская записала, уже зная об ивановском намерении перевести на русский язык трагедии Эсхила и о его конкретной договоренности об этом в 1911 г. с издательством М. и С. Сабашниковых (см.: *Котрелев Н. В.* Материалы к истории серии «Памятники мировой литературы» издательства М. и С. Сабашниковых (переводы Вяч. Иванова из древнегреческих лириков, Эсхила, Петрарки) // Книга в системе международных культурных связей: Сб. научных трудов. М., 1990. С. 133—137; *Котрелев Н. В.* Вячеслав Иванов в работе над переводом Эсхила // Эсхил. Трагедии в переводе Вячеслава Иванова. М., 1989. С. 497—502).

⁴³ В библиотеке ИРЛИ (шифр: 106 4/31) сохранился один из томов этого издания (Т. 21. «Хорля» и другие рассказы) с зачеркнутой надписью: «Вячеславу Ивановичу Иванову с чувством неизменной преданности Кассандра. 1911 г. Каннука».

⁴⁴ См., например: *Monassan G. de.* Избранные произведения: В 2 т. М., 1954. Т. 2; *Monassan G. de.* Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 1958. Т. 2 (в переводе Чебота-

ревской — роман «Жизнь» и сборники новелл «Мадемуазель Фифи», «Рассказы вальдшнепа»).

⁴⁵ Выбор произведения был, видимо, сделан Ивановым, ранее цитировавшим «Серафиту» и другую «мистико-романтическую», по его определению, повесть Бальзака «Луи Ламбер» в статье «Две стихии в современном символизме» (1908). См.: *Иванов Вяч.* Собр. соч. Т. 2. С. 548. В рассказе Г. И. Чулкова «Полунощный свет» (1909) «книжка в зеленой обложке — „Séraphita“ Бальзака» лежит на столе у писателя Сергея Савинова, прообразом которого послужил Иванов (см.: *Чулков Г.* Годы странствий. М., 1999. С. 451).

⁴⁶ *Андрей Белый.* Символизм: Книга статей. М.: Мусагет, 1910. С. 640. Объявления о «Серафите» появились и в других книгах «Мусагета» и издательства «Альциона».

⁴⁷ Среди писем Чеботаревской к Иванову сохранился следующий документ: «Заявляю Вячеславу Ивановичу Иванову, что для томов Бальзака, издаваемых под его редакцией, обязуюсь перевести поэму „Серафита“, часть которой представлю к 15 июля, а остальное к 15 августа 1910 года. Александра Чеботаревская. Июня 19-го» (РГБ, ф. 109, карт. 36, № 21). Работа над переводом, однако, затянулась; в письме к Иванову от 30 августа 1910 г., отправленном в Рим, Чеботаревская извещала о встрече с секретарем «Мусагета» А. М. Кожебаткиным: «Он согласен, чтобы я представила перевод Бальзака в октябре после Вашего возвращения» (Там же). Ср. дневниковую запись Чеботаревской от 6 июля (видимо, 1910 г.): «Вечером читала „Séraphita“ „Философские поэмы“ Бальзака. Какая красота!» (РО ИРЛИ, ф. 189, № 2, л. 7).

⁴⁸ 17 августа 1910 г. Э. К. Метнер писал А. М. Кожебаткину: «Узнайте, начала ли переводить „Серафиту“ Чеботаревская. Если она ответит, что *еще не* начала, то напишите ей, что мы откладываем печатание этой вещи и чтобы она пока не принималась за работу; если же она начала, то пусть продолжает. Дело в том, что я, познакомясь с этой вещью, рекомендованной В. Ивановым, *очень* разочарован. — Я бы не желал ее» (РГБ, ф. 167, карт. 24, № 13). Последнее по времени упоминание об этой работе — в письме Чеботаревской к Иванову от 27 января 1912 г.: «Прошу Вас *не считать за лилию* ту часть работы по переводу для „Орфея“ книги Бальзака, которая за мною числилась, и располагать ею по Вашему усмотрению» (РГБ, ф. 109, карт. 36, № 22).

⁴⁹ РО ИРЛИ, ф. 189, № 27. 41 лл. В архиве Чеботаревской хранится также выполненный ею перевод (машинопись с рукописными вставками и правкой) пьесы французского драматурга Мигеля Замакоиса (Zamaçois; 1866—1939) «Шуты» («Les bouffons», 1907) — стихотворной историко-романтической комедии в традиции Э. Ростана (РО ИРЛИ, ф. 189, № 243. 425 лл.). Согласно исходному архивному описанию этого текста, перевод был подготовлен Чеботаревской совместно с Вяч. Ивановым; однако в нем ни одна автографическая вставка и ни одно исправление не сделаны рукой Иванова, что позволяет усомниться в правильности такой атрибуции. Перевод не был опубликован, возможно, потому, что ко времени его завершения пьеса Замакоиса «Шуты» уже была известна в двух русских переводах — А. Фронти (М., 1908) и Lolo (Л. Г. Мунштейна) (М.: Чайка, 1908).

⁵⁰ Один из unrealized замыслов Иванова — перевод романа Флобера «Саламбо»; его он предложил осуществить (в письме к М. Горькому от 16 января 1906 г.) для издательского товарищества «Знание»: «...за „Саламбо“, например, взялся бы охотно; смотрю на такой перевод, как на привлекательный, хотя и трудный подвиг в области *стиля* <...>» (*Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М., 1999. Т. 5. С. 408. Комментарий Н. В. Котрелева). Горький к этой идее отнесся сочувственно (см.: Там же. С. 136—137; *Корецкая И. В.* Горький и Вячеслав Иванов // Горький и его эпоха: Исследования и материалы. М., 1989. Вып. 1. С. 171).

⁵¹ Об этом издательском проекте (в 1913—1915 гг. вышло в свет пять томов, издание осталось незаконченным) см. в мемуарном очерке Б. К. Зайцева «Флобер в Москве» (*Зайцев Б. К.* Соч.: В 3 т. М., 1993. Т. 2. С. 401).

⁵² 16 февраля 1910 г. Чеботаревская сообщила М. О. Гершензону: «...меня впрягли в новую срочную работу — 1-й том полного собр<ания> сочин<ений> Флобера („Г-оспо>жа Бовари“), кот<орый> я должна кончить к началу *марта* <...>»; первоначально определенный срок завершения работы оказался нереальным, и год спустя (22 февраля 1911 г.) Чеботаревская вновь коснулась той же темы в письме к Гершензону: «„Бовари“ перевожу с восторгом. Уж очень хорошо, и переводить ее приятнее даже, чем читать, — лучше вникаешь. <...> „Бовари“ обещается просмотр<еть>, если буд<ет> время (изд<атели> торопят страшно), В<ячеслав>

Ив<анович>. Думаю, что это будет на пользу переводу» (РГБ, ф. 746, карт. 43, № 23). 30 августа 1910 г. Чеботаревская писала Иванову: «Гржебин меня замучил — хочет печатать „Бовари“ *totчас же*. <...> Я так втянулась в Флобера, что теперь ничего после него не могу переводить: все кажется пошлым после его трагического стиля. Когда я перечитывала недавно конец, то форменно расплакалась... Поистине это *единственный* роман, и больше нет...». 2 октября того же года Чеботаревская известила Иванова, что Гржебин выплатил ей гонорар за перевод (РГБ, ф. 109, карт. 36, № 21).

⁵⁵ Приписка на письме Л. В. Ивановой к В. А. Мануйлову от 12 ноября 1925 г. (Частное собрание). Ср. признание Чеботаревской в письме к Гершензону от 16 декабря 1911 г.: «Грустно еще, что моя „Бовари“ (в которой осталось только проредактировать по рукописи 80 стр.!) так и застыла с лета; боюсь, что издатели совсем не станут ее издавать...» (РГБ, ф. 746, карт. 43, № 23).

⁵⁴ *Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце / Подгот. текста и коммент. Джона Мальмстада. Paris, 1990. С. 49—50. О своей работе над «цельным трудом» Чеботаревской Иванов писал З. И. Гржебину 7 января 1911 г.: «...редактор более интенсивно, более сосредоточенно проделал *художественную* часть труда, не видящую непосредственно и во всем объеме в задачу переводчицы» (Российский государственный архив литературы и искусства, ф. 225, оп. 1, № 30. Далее: РГАЛИ).

⁵⁵ Ср. письмо Чеботаревской к Иванову от 14 декабря 1913 г.: «Вчера „Госпожа Бовари“ <...> появилась, наконец, в свет <...> В тексте же самого романа, свято и ненарушимо прокорректированного мною *4 раза*, согласно рукописи, — нет ни одной опечатки. Вообще, слава Богу, текст русской Бовари, кажется, безусловно образцовый, по отзывам всех, видевших его!» (РГБ, ф. 109, карт. 36, № 23).

⁵⁶ *Флобер Г.* Полн. собр. соч. Новые переводы с последнего (юбилейного) издания. Т. 1. Госпожа Бовари / Пер. Александры Чеботаревской под редакцией Вячеслава Иванова. СПб: Шиповник, <1913>. С. 69.

⁵⁷ Там же. С. 243—244.

⁵⁸ Там же. С. 368.

⁵⁹ См.: *Обатини Г. В.* Из материалов Вячеслава Иванова в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994. С. 29—31. Эта работа, а также осуществленная Г. В. Обатиным публикация неизвестных стихотворений Иванова (Наше наследие. 1992. № 25. С. 79—81), включает новонайденные ивановские тексты, сохраненные Чеботаревской. Ср. свидетельство в письме Чеботаревской к А. С. Яценко от 17 марта 1924 г.: «...в прошлом году, когда в Москве была ликвидирована квартира Вячеслава Ивановича, то кроме вещей, оставленных в Москве, прислала и мне в Питер, с просьбою похранить до его приезда, часть его библиотеки и кое-какие из вещей» (*Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Русский Берлин 1921—1923: По материалам архива Б. И. Николаевского в Гуверовском институте. Paris, 1983. С. 295). См. также работу Л. Н. Ивановой в наст. изд.

⁶⁰ См.: *Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце. С. 98—99. Об отъезде Чеботаревской к Иванову в Баку «несколько дней назад» Гершензон сообщил В. А. Меркурьевой 27 июля 1921 г. (РГАЛИ, ф. 1458, оп. 1, № 45). Ср. сведения об Иванове в письме Чеботаревской из Баку к Гершензону от 15 декабря 1921 г.: «...оправился от своих болезней <...> К концу ноября он начал читать лекции. <...> Он читает 14 часов лекций и имеет 2 семинария, выступая и публично в вечерах, посвященных памяти А. Блока, Некрасова и др. В общем живет ему здесь не худо. Его любят и в городе и в университетском кругу» (РГБ, ф. 746, карт. 43, № 23).

⁶¹ Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976. С. 149. Необходимо, однако, отметить, что отношения Иванова с Чеботаревской во время ее бакинского пребывания зачастую принимали конфликтный характер. Е. А. Миллиор, в частности, вспоминает: «Характер у В. Ив. был тяжелый, с „Кассандрой“ он бывал порой резок и чуть ли не груб, и даже при нас, студентах. Она — всегда терпелива и заботлива и с ним и с детьми. Говорили, что она любила В. Ив-ча» (Вестник Удмуртского университета. 1995. Специальный выпуск. С. 22). Аналогичные свидетельства — в дневниковых записях М. С. Альтмана от 9 января и 7 июля 1922 г. (*Альтман М.* Разговоры с Вячеславом Ивановым. С. 240, 256).

⁶² Среди писем Д. В. Иванова к Чеботаревской сохранились его первые стихотворные опыты — в частности, стихотворение (датированное 24 июля 1923 г.), написанное, как вспоминает автор, под впечатлением подслушанной тайком в Бакинском университете лекции профессора Е. И. Байкова о Французской революции и казни

Людовика XVI (см.: *Иванов Д. В. Из воспоминаний // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. М., 1996. С. 41—42*); вместе с собственным текстом Д. В. Иванов привел и поэтический отклик отца на него (РО ИРЛИ, ф. 189, № 93, л. 14—14 об.):

Фантазия, сочиненная на «Площ<ади> Своб<оды>»

Рукой взмахнул
И все сокрылось.
Вдвоем они остались
К нему тихонько прислонилась
Перед мужчиной женщина склонилась
И с уст его чуть слышное
Прости... слетело
И оба вышли
Рука с платком уже склонилась
И тихо гильотина опустилась.
В молчанье гробовом.

Папин ответ.

Какою страшною картиной
Воображенье увлеклось!
Да, много жертв под гильотиной
На площадях Свободы мнимой
Во гроб кровавый улеглось.

24. VII.

В. И.

⁶³ См.: *Бёрд Р. Вяч. Иванов и советская власть (1919—1929): Неизвестные материалы // Новое литературное обозрение. 1999. № 40. С. 306—313; Неизвестное письмо Вяч. Ив. Иванова академику С. Ф. Ольденбургу / Публ. Г. Бонгард-Левина // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 253—256; Бонгард-Левин Г. «Я еду в Рим, чтобы там жить и умереть»: Из переписки Вячеслава Иванова // Русская мысль. 2000. № 4301, 20—26 января. С. 18.*

⁶⁴ Вопросы литературы. 1994. Вып. 3. С. 301. Публикация В. Сапова.

⁶⁵ См.: *Иванова Л. Воспоминания. Книга об отце. С. 122; Из дарственных надписей В. И. Иванова / Публ. И. В. Корецкой // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. С. 149. С заботами об этом связано одно из последних писем Чеботаревской к Иванову (от 26 июля 1924 г.): «...я получила письма, призывающие меня в Петроград, а с другой стороны получила — вчера — приглашение вывезти 14 ящиков Вашей библиотеки и архива из дома в Афанасьевском пер. — ввиду ремонта подвального этажа. В связи с последним убедительно прошу Вас возвратить П. С. Когану и получить от него разрешение <...> на помещение — временное — Ваших книг в одном из складочных или подвальных мест (только не сыром) Академии Художественных наук <...> Я слышала, что это возможно устроить. Перевозка близкая и не обойдется дорого. Если Вы не будете говорить сами, то дайте разрешение мне или М. О. Гершензону обратиться с этой просьбой к П. С. Когану» (РО ИРЛИ, ф. 189, № 47. П. С. Коган с 1921 г. был президентом Гос. Академии Художественных Наук). Согласно другим документам, библиотека Иванова (о ее дальнейшей судьбе достоверных сведений нет) была передана в Гос. Театральный музей имени А. А. Бахрушина (*Бёрд Р. Вяч. Иванов и советская власть. С. 327*).*

⁶⁶ РО ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, № 1303.

⁶⁷ Русско-итальянский архив / Сост. Д. Рицци и А. Шишкин. Вып. 3. (В печати).

⁶⁸ Примечания О. Дешарт в кн.: *Иванов Вяч. Собр. соч. Т. 2. С. 725—726. Несколько иную картину происшедшего дает («со слов советского писателя») В. Ф. Ходасевич в книге «Некрополь» (*Ходасевич В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 184*).*

⁶⁹ Инициатором этого замысла был Г. И. Чулков. 25 мая 1925 г. сестра покойной, Татьяна Чеботаревская, сообщила Ф. Сологубу: «Была на днях у меня Н. Г. Чулкова. Относительно книжки в память Сани пока движения никакого нет, и Георгий Иванович, которому принадлежит эта мысль, кажется, никаких шагов не предпринимает» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 727).

⁷⁰ Письмо 8 хранится в этом архиве в подборке писем В. К. Шварсалон к Чеботаревской (РО ИРЛИ, ф. 189, № 94, л. 6).

8 (21) июля 1903 г. Париж¹

Вторник

Дорогая Александра Николаевна, радуемся Вашему *Да* и, конечно, рады Вас видеть у нас в любое время, сожалеем только, что Вы теряете время и силы в Париже совсем напрасно. Видно, что Вам еще долго нужно думать на тему: *das Ich und sein Eigenthum*.² Не знаете Вы ни обязательств, налагаемых нашим *Я*, ни его прав. А, впрочем, мы не управлялись с делами вовремя и, не желая устать, отложили отъезд *на завтра*...³ Жмем Вашу руку, спасибо за обещание навестить нас наверно — и до свидания.

Ваш Вяч. Иванов.

¹ Датируется по почтовому штемпелю: Paris. 21 juil 03. 21 июля н. ст. — вторник. Секретка; направлена по парижскому адресу Чеботаревской: 7, rue Campagne Première. Обратный адрес: Rue de la Tour, 89.

² Я и его собственность (*нем.*). Обыгрывается заглавие философского трактата Макса Штирнера «*Der Einzige und sein Eigentum*» («Единственный и его собственность», 1845).

³ Имеется в виду возвращение Иванова и Л. Д. Зиновьевой-Аннибал на виллу Жава, где они тогда постоянно проживали (Шатлен, близ Женева).

2

17 (30) июля 1903 г. Шатлен¹

Дорогая Александра Николаевна,

Нарочно беру *carte postale*, да еще с картиной, чтобы не иметь места сказать Вам все упреки, которые накапливаются в душе...

Ваш В. И.

30, уже 30.VII.

¹ Открытка с видом долины Шамони и Монблана. Почтовый штемпель: Châtelaine. 30. VII. 03. Отправлено по парижскому адресу Чеботаревской.

3

31 августа (13 сентября) 1903 г. Женева¹

Спасибо, дорогая Кассандра Николаевна, за милый привет и изображение горного перевала,² которое позволите символисту считать символическим. Скоро ли, наконец, увидимся?!

Вяч. Ив. 13. IX. 03.

¹ Открытка; почтовые штемпели: Genève. 14. IX. 03; H-te Savoie. 14 sept. 03. Отправлено по адресу m-me Mullat: Bonnaz. Pont des Fillinges. Haute Savoie.

² Эта открытка Чеботаревской в архиве Иванова не сохранилась.

4

16 (29) декабря 1903 г. Шатлен

29/16. XII.

Уважаемая и дорогая Александра Николаевна,

Благодарю Вас за маленькое «с пути» и за четыре странички парижской эпикей.¹ Так как долг платежом красен, я должен был бы ответить также эпикей; но нахожусь в области безмолвствующей (пока) трагики — разумею «Тантала»...² Еще <?> не знаю, выйдет ли что-нибудь: так и написал вчера Вам.³ Лид<ии?> написал также и о Ваших статьях — о Моро и Якунчиковой.⁴ Вопрос о поездке в Москву — которая, и в том случае, если состоится, только *задержит*, на месяц вероятно, мои парижские курсы,⁵ предназначавшиеся вначале именно на конец февраля, — остается также нерешенным. Вообще, все влажно и сумеречно-мглисто. Нота *дня* — мглистое, но не мрачное впечатление от новой рецензии о Кормчих Звездах в Хронике Мира Искусства, где я представлен трудолюбиво бездарностью. Что придает комический (если хотите, маскарадный) оттенок этой анафеме, — это постоянно повторяющийся Leitmotiv моих зоиллов: будто я «перевожу» на язык Екатерининской эпохи какие-то неведомые плоды моей великой начитанности в чьих-то великих произведениях.⁶ Из моих мыслей и замыслов — ничто не приписывается моей собственной догадливости. Пока до свидания.

Ваш сердечно Вяч. Ив.

Всего доброго — и пишите пожалуйста!⁷

Простите пачкотню известных Вам перьев. В «Правде»* все наши друзья: Котлярев<ский?>, Ивановский и, как уже известно, Поярко.⁸

¹ Ни то, ни другое письмо Чеботаревской в архиве Иванова не сохранились.

² Речь идет о работе над трагедией «Тантал», предназначавшейся для опубликования в 4-м альманахе издательства «Скорпион» «Северные Цветы Ассирийские» (М., 1905. С. 199—245). 1/14 ноября 1903 г. Иванов писал В. Я. Брюсову: «Что до „Северных цветов“, — желанна ли вам первая часть моей задуманной трилогии — „Тантал“?» Трагедия займет не менее трех листов. Я хочу за нее приняться и, если Музы будут благосклонны, написать ее до Рождества» (Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976. С. 439).

³ Это письмо Иванова нам неизвестно.

⁴ В сохранившихся письмах Иванова к Л. Д. Зиновьевой-Аннибал за 1903 год (РГБ, ф. 109, карт. 10, № 2) эта тема не возникает. Имеются в виду статьи о французском художнике-символисте Гюставе Моро (1826—1898) и русской художнице

* Кожевникова! (Примечание Иванова).

Мариин Васильевне Якунчиковой (в замужестве Вебер; 1870—1902) — «Царство мифа (Гюстав Моро)» и «Художник-друг». 5 января (н. ст.) 1904 г. Чеботаревская отвечала: «Спасибо за то, что написали о Моро, — скоро примусь за него, хотя не знаю еще, когда кончу. Посоветуйте, как назвать ее. Можно как-нибудь вроде „В царстве мифа“ или же просто „Гюстав Моро“» (РГБ, ф. 109, карт. 36, № 20). Иванов пытался содействовать опубликованию этой статьи Чеботаревской; 15/28 декабря 1903 г. он писал Брюсову: «Нужна ли для „Весов“ статья (популярная и сочувственная) о Гюставе Моро? Такой этюд, преимущественно описательный (очень изобразительный обзор его произведений по эпохам творчества) и, на мой взгляд, весьма живой и интересный, желала бы дать в „Весы“ моя хорошая знакомая — парижская приятельница — Александра Николаевна Чеботаревская» (Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. С. 443). В «Весях», однако, эта статья не появилась: беловая рукопись ее с карандашной правкой — в четырех вариантах текста (один без окончания), с вариантами заглавий: «Царство мифа (Гюстав Моро)», «В царстве сказки и мифа (Гюстав Моро)», «В царстве мифа» — сохранилась в архиве Чеботаревской (РО ИРЛИ, ф. 189, № 16). Статья Чеботаревской «Художник-друг (Посмертная выставка произведений М. В. Якунчиковой)» была напечатана в «Русской мысли» (1905. № 4. Отд. П. С. 169—172).

⁵ Имеется в виду курс о римской магистратуре, который Иванов предполагал прочесть в парижской Русской высшей школе общественных наук, начиная с января 1904 г.: от чтения курса Иванов отказался. См.: Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. С. 439, 446.

⁶ Имеется в виду рецензия на книгу стихов Иванова «Кормчие звезды» (подписанная криптонимом: П. Н.), в которой, в частности, говорилось: «...г. Иванов выделяется очень искренней любовью к поэзии, вполне серьезным отношением к делу, отсутствием всякого преднамеренного кривлянья. Это поэт — педант, чрезвычайно образованный, начитанный, сжившийся с обществом великих гениев прошлого. <...> Его чувства и настроения навеяны великими образцами, но некоторые новые для русского языка удачные выражения, некоторые яркие, образные эпитеты подобраны им самим. Они выделяются, как блестящие посреди темной руды его непонятного тяжелого слога. Несомненная заслуга г. Иванова, что он первый пытается произвести над русским языком те эксперименты, которыми занимался Маллармэ. <...> Он пишет архаическим языком; его произведения производят впечатление переводов (может даже великих произведений), сделанных русским пиитой времен Екатерины. И надо отдать справедливость г. Иванову, его архаический слог — тяжел, косолап, не художествен, но он не тривиален, иногда даже благороден и возвышен. Не отличаясь талантливостью, поэзия г. Иванова не имеет в себе ничего плебейского, шарлатанского» (Хроника журнала «Мир искусства». 1903. № 14. С. 154).

⁷ 5 января (н. ст.) 1904 г. Чеботаревская писала Иванову: «Простите, что долго не отвечала Вам. Париж, с его огромными концами, по обыкновению, так пожирает время, что совершенно не знаешь, куда оно девается. <...> сразу Ваш почерк воскресил во мне те хорошие дни, одни из лучших в моей жизни, которыми я обязана Вам и Лидии Дмитриевне. <...> я много думала о Вашем таланте, в который я глубоко верю и который считаю очень-очень большим. Какое он примет направление, во что он выльется... Это так страшно, потому что Вам так много дано... Впрочем, „дорога Ваша“ иначе не может быть как полной, светлой и „огненной“» (РГБ, ф. 109, карт. 36, № 20).

⁸ «Правда» — ежемесячный журнал искусства, литературы и общественной жизни, выходивший в Москве с января 1904 г. по февраль 1906 г.; его редактор-издатель — инженер и драматург Валентин Алексеевич Кожевников (1867—1931). В политическом плане журнал придерживался социал-демократической ориентации. В перечне предполагаемых участников издания на 4-й странице обложки январского номера за 1904 г. значились профессор Нестор Александрович Котляревский (1863—1925), историк литературы, критик, публицист, и приват-доцент Сергей Андреевич Котляревский (1873—1940), историк, земский деятель, впоследствии член ЦК конституционно-демократической партии, а также приват-доцент Владимир Николаевич Ивановский (1867—1931) — историк философии, приват-доцент Казанского университета, дружил с Ивановым и бывал у него в Шатлене в 1903—1904 гг. (см. примечания О. Дешарт в кн.: *Иванов Вяч.* Собр. соч. Брюссель, 1971. Т. 1. С. 863—864); Ивановский дружески общался с Чеботаревской, дважды — согласно ее свидетельству — предлагал ей замужество (см.: *Альцман М. С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб., 1995. С. 99, 205—206 — комментарии К. Ю. Лаппо-Данилевского); в январском номере «Правды» за 1904 г. была начата печатанием статья Ивановского

«Что такое „позитивизм“ и „идеализм“» (С. 140—150). Поэт и критик Николай Ефимович Поярков (1877—1918) в первых номерах «Правды» не участвовал и в числе предполагаемых сотрудников журнала назван не был.

5

13 (26) октября 1904 г. Шатлен

Дорогая Кассандра Николаевна,

Хотя два словечка, *наконец*, привет и благодарности и уверения в неизменной <?> дружбе. Спасибо за священную веточку. Слова казались излишними, чтобы сказать ужас и скорбь после трагической вести о Вашем брате.¹ Здесь также стоял гроб.²

Увижу ль Вас, если дано увидиться вскоре, — воскресшей? Восприньте.

Ваш Вяч. Ив.

Что Вы сокрушаетесь о Мэтерлинке: я уже не могу сочувствовать его торжеству. См. Весы.³

26/13. X. 04.

¹ Речь идет о смерти Льва Чеботаревского, последовавшей 25 июня 1904 г. В. Н. Ивановский спрашивал Чеботаревскую в письме от 21 июля/3 августа 1904 г.: «Что такое случилось с Вашим братом студентом? самоубийство, случайность? От болезней не полагается погибать в этом возрасте. О его смерти я узнал из случайно попавшегося мне № Русских Ведомостей» (РО ИРЛИ, ф. 189, № 96). Имеется в виду следующее газетное оповещение (Русские Ведомости. 1904. 4 июля, № 184. С. 1): «В воскресенье, 4-го июля, в девятый день по кончине студента 2-го курса Московского университета Льва Николаевича Чеботаревского, имеют быть заупокойная литургия и панихида в церкви Воскресения на Ваганькове, о чем мать, сестры и братья покойного извещают друзей и знакомых».

² Имеется в виду кончина Дмитрия Васильевича Зиновьева (1822—1904), отца Л. Д. Зиновьевой-Аннибал. 15/28 сентября 1904 г. Иванов информировал Брюсова: «...вчера вечером скончался отец Лидии Дмитриевны» (РГБ, ф. 386, карт. 87, № 1).

³ Подразумевается, вероятно, анонимная заметка «Мэтерлинка на сцене Художественного театра», в которой была подвергнута критике постановка в Московском Художественном театре (преьера — 2 октября 1904 г.) трех одноактных пьес Мориса Метерлинка («Слепые», «Непрощенная», «Там — внутри»): «Нельзя играть Мэтерлинка актерам с психологией чеховских героев!» (Весы. 1904. № 10. С. 81—82).

6

20 марта (2 апреля) 1908 г. Петербург

20. III. 08.

Дорогая Кассандра,

посылаю Вам, дорогая, программу лекции 25 марта, опасаясь, что письмо мое к П. К. Иванову может не дойти до ней вовремя: прилагаемый листок — дубликат.¹

До утра понедельника у Вас, как условлено!

Ваш душою Вяч.

¹ *Иванов Петр Константинович* — журналист, секретарь Московского Литературно-Художественного кружка (см. о нем: *Муролицева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью.* М., 1989. С. 264—265); вместе с упомянутым письмом к нему Вяч. Иванов отправил для опубликования текст с планом лекции. 25 марта 1908 г. Иванов выступил в Московском Литературно-Художественном кружке с лекцией «Две стихии в современном символизме»; во время того же пребывания в Москве он прочел также лекцию «Символизм и религиозное творчество» на XVIII публичном заседании Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева, состоявшемся 30 марта (см.: *Русские ведомости.* 1908. 23 марта, № 70, С. 2, 6).

7

1 (14) декабря 1908 г. Петербург

1. XII. 08.

Дорогая Кассандра,

Башенцы радуются и ждут Вас с нетерпением, которого Вы, к сожалению, не учитываете вовсе в распределении Вашего времени, что очень *стыдно*, — выражаясь умеренно..... За радостную весть и дивный благоуханный привет благодарю Вас всем сердцем.¹ Вера целует.

Вяч. Иванов.

И благодарю за вести из Москвы. Горжусь, вследствие Ваших успехов, Вашей дружбой! — которую Вы, по-видимому, желаете отрицать своим коварным образом действий. Привет душевный предпочтенным Вами, без зависти!

В. И.

¹ В письме от 24 ноября 1908 г. к Иванову и его падчерице Вере Константиновне Шварсалон (1890—1920) Чеботаревская подробно описала свое двухдневное пребывание в Москве — участие в публичных заседаниях, беседы с А. Р. Минцловой, М. О. Гершензоном, Г. Э. Тастевеном и др. (РГБ, ф. 109, карт. 36, № 20).

8

Сентябрь 1910 г. Рим¹

Дорогой друг, Александра Николаевна! Сердечно благодарю Вас.² Очень озабочен тем, что Вы, по-видимому, слишком великодушно исполнили мою просьбу: мое ходатайство за Моравскую не имело вовсе целью побудить Вас делиться с ней заработком и взять ее на жалованье!³ Меня пугает мысль, что я сбыл ее Вам на плечи.

Если бы Вы знали, как я занят, какая спешная работа и забота...
Courage.^a Благословляйте солнце.

До свидания.

В. И.

¹ Написано на обороте письма В. К. Шварсалон к Чеботаревской.

² В письме к Иванову из Петербурга от 30 августа 1910 г. (РГБ, ф. 109, карт. 36, № 21) Чеботаревская сообщала о новостях российской литературной жизни.

³ *Моравская Мария (Мария Магдалина Франческа) Людвиговна* (1889—1947) — поэтесса, прозаик, критик; в конце 1909 г. приобщилась к среде столичных литераторов, группировавшихся вокруг журнала «Аполлон». В упомянутом письме Чеботаревская сообщала Иванову о встрече с Моравской: «...я предложила ей помогать мне (читать вместе корректуры, писать под диктовку и пр.) *два часа* в день за *двадцать* рублей вознаграждения в месяц. Она согласилась и очень старается, работая у меня». О бедственном материальном положении Моравской летом 1910 г. см. также письмо М. А. Волошина к А. М. Петровой от 18 июля 1910 г. (Максимилан Волошин. Из литературного наследия. I. СПб., 1991. С. 210. Публикация В. П. Купченко). В письме к Волошину от 28 июля 1910 г. Моравская сообщала: «...я была у Вяч. Иванова и просила его достать мне работу. Он отнесся ко мне исключительно хорошо и обещал помочь. При его содействии я получила от Аполлона маленькую работу — мне поручили перевести с чешского яз. хронику о живописи»; ему же Моравская писала 17 сентября 1910 г. о своих постоянных встречах с Чеботаревской: «Ал<ександра> Николаевна старается помочь мне поместить мои переводы: она порекомендовала меня книгоизд<ательству> Антика, затем в маленький журнальчик „Жизнь для всех“ <...>» (цит. по: *Попов В. В.* Мария Людвиговна Моравская (попытка портрета) // *Русская литература.* 1998. № 3. С. 186).

9

9 (22) апреля 1911 г. Петербург¹

Вел<икая> Суббота.

Дорогая Александра Николаевна,
Приходите, пожалуйста, разговляться вместе.

В. И.

¹ Датируется на основании карандашной пометы: «1911». Пасха в 1911 г. — 10 апреля.

10

22 августа (4 сентября) 1912 г. Лозанна¹

4 сент. / 22 авг.

Дорогая Александра Николаевна,

Я Вам благодарен от всей души за Ваши весточки, за *Вас самое*, — за суд о редакции перевода также, ибо меня чрезвычайно обрадовало Ваше одобрение, когда я уже отчаявался в дельности

^a Смелость, мужество, храбрость (*франц.*).

долгой и кажущейся бесплодной работы!² Теперь мне опять интересна «Бовари». Спасибо за недостававшие листы, Вы их скоро получите обратно. С Вашим желанием я вполне согласен, — т. е. первую корректуру предоставляю *Вам*, но следующую требую себе непременно, и варварам скажите, что *без одной корректуры* я у них сотрудничать не согласен.³ Вижу, что Вы сама ясно видите, до какой степени это требование справедливо, и нарушение его — вандализм.⁴ — О себе пока ничего, кроме одного: все хорошо и радостно, и благодарю Бога.

Друзьям приветы от всего сердца.

Преданный Вам всею душой

Вяч. Иванов.

Не могли ли бы Вы замолвить за мои законные интересы словечка у Вашего окаянного друга Грузинского? — кой* успокоился на *status quo*.⁵

¹ Отправлено из Лозанны (почт. штемпель: 5. IX. 12) в Силламяги (Эстляндия), Тюрсель, дача Пяртель (почт. штемпель получения: 27. 8. 12), отсюда переадресовано в Петербург (Греческий пр., 11, кв. 4).

² Речь идет о выполненном Чеботаревской и отредактированном Ивановым русском переводе романа Гюстава Флобера «Госпожа Бовари» («*Madame Bovary*», 1857). В недатированном летнем письме 1912 г., отправленном из Рима, В. Шварсалон сообщала Чеботаревской об Иванове: «Над *M-me Bovary* он работает, и у него известная часть уже готова, но он находит, что мало, и хочет послать только через несколько дней»; об отсылке перевода в исправленном виде она же извещала Чеботаревскую в письме из Лозанны от 2/15 июля 1912 г. (РО ИРЛИ, ф. 189, № 94). 17/30 июля 1912 г. М. М. Замятнина писала Чеботаревской (из Лозанны в Силламяги, Эстляндия): «Вячеслав и Вера очень беспокоятся об участи рукописи „Бовари“. Вера отправила ее на Ваше имя посылкой <...>» (РО ИРЛИ, ф. 189, № 90). О ходе работы над подготовкой перевода к печати Чеботаревская сообщала Иванову в письмах от 10, 12, 19 июля и 11 августа 1912 г.; 12 июля она, в частности, писала: «...я перечла перевод „Г-жи Бовари“. Сколько счастливых находок в Вашей редакции, какая меткость и четкость, какое истинно Флоберовское изящество придано всей вещи! Откуда такой реализм в речах крестьянина Руо и других, откуда столько красоты и вместе точности... С благоговением закрыла эту чудную книгу» (РГБ, ф. 109, карт. 36, № 22).

³ Подразумевается предстоявший следующий этап подготовки к печати перевода «Госпожи Бовари» в издательстве «Шиповник» — правка корректур. 11 августа 1912 г. Чеботаревская сообщила Иванову, что через 4 дня придет из-за границы руководитель издательства З. И. Гржебин: «Уже увидя в рукописи такое большое количество поправок, он должен понять, что *авторская*, т. е. Ваша, корректура *совершенно необходима*» (Там же).

⁴ Чеботаревская отвечала Иванову из Петербурга 6 сентября 1912 г.: «Письмо Ваше получила, и оно было мне так отрадно и дорого, что я с него и запяньствовала (духовно). <...> Ради Бога, высылайте мне первые листы: *без них сдать в печать Бовари нельзя*. Шиповник без конца благодарит Вас и исполнит все В<аши> желания». На следующий день, 7 сентября, Чеботаревская описала Иванову свой разговор с заведующим конторой «Шиповника» Д. Л. Вайсом: «Он так искренно радовался получению от Вас „Бовари“, что забыл все свои былые упреки. Увидя, насколько Ваш труд отличается от того, что обычно принято называть в издательствах „редактированием“ перевода, он совершенно растаял, и когда я ему кое-что еще объяснила и кое на что указала, он сказал: „Да, да, я все это понимаю, это работа из ряда вон! Мы уж так благодарны Вячеславу Ивановичу! Уж если он за что-нибудь возьмется, то уж действительно сделает на славу!“ — и многое другое в

* Форма презрения (*Примечание Иванова*).

этом же роде. На другой день я встретила там уже Гржебина. Он тоже ликовал и только кричал и умолял просить Вас относительно корректуру» (Там же).

⁵ *Грузинский Алексей Евгеньевич* (1858—1930) — филолог, переводчик, педагог; председатель Общества любителей российской словесности в 1909—1922 гг. (см. письмо Иванова к Грузинскому от 24 апреля 1915 г. — согласие на баллотировку в члены этого Общества: *Котрелев Н. Иванов* — член Общества Любителей Российской Словесности (Вячеслав Иванов и советская цензура) // *Europa Orientalis*. 1993. Т. 12, № 1. С. 328—329). Во исполнение просьбы Иванова Чеботаревская обратилась к Грузинскому в недатированном письме (конец августа—начало сентября 1912 г.): «Получила еще письмо от Вячеслава Ивановича. Он просит 1) напомнить Вам Ваше обещание (пересмотреть вопрос о его гонораре после выхода книги Гомера и, если возможно, добиться некоторого увеличения его) и 2) спрашивает, неужели автору полагается всего только *одни* бесплат<ый> экз<емпляр>, да и *тот еще с подписью С. А. Венгерову*» (РГАЛИ, ф. 126, оп. 1, № 301). Содержание ответа Грузинского выясняется из письма Чеботаревской к Иванову от 21 января 1913 г.: «А. Е. Грузинскому я еще в сентябре писала об его обещании доплаты за Гомера. Он ответил письмом, в кот<ором> писал, что как только окупятся расходы по изданию и книга начнет давать чистый доход, гонорар будет выслан» (РГБ, ф. 109, карт. 36, № 23). Речь идет о работе Иванова «Эпос Гомера. Вступительный очерк» для издания под редакцией А. Е. Грузинского (в серии «Библиотека всемирной литературы. Европейские классики») «Поэмы Гомера в переводах Гнедича и Жуковского» (<М.>: Окто, <1912>. С. I—LXVII). По получении рукописи статьи Грузинский писал Иванову (25 сентября 1911 г.): «Статья мне в целом очень понравилась. Она страшно сжата и содержательна; очень хорош прием одновременно вести нити различных сторон вопроса: данные о месте и времени сложения Эпоса сплетаются с мотивами культа и быта и т. п., так что ткань получается сложная и многоцветная», — и отмечал также нелегкость статьи для чтения и неровности в изложении; в следующем письме к Иванову, от 1 октября 1911 г., Грузинский просил сделать сокращения в статье (РГБ, ф. 109, карт. 17, № 29). В ходе печатания статьи Иванова Чеботаревская не раз выступала посредницей между ним и Грузинским: так, 26 октября 1911 г. она писала Грузинскому: «Вчера видела Вяч<еслава> Иван<овича>. Он очень просит Вас прислать ему еще 1 корректуру Гомера в верстке. боится, как бы не проскользнула какая-ниб<удь> ошибка»: 10 декабря 1911 г. — ему же: «Видела вчера Вяч<еслава> Ив<ановича>. Он все хворал. Просит меня, чтобы я поддержала перед Вами целый ряд его просьб, которые он написал Вам недавно. Я, конечно, поддерживаю всячески, так как сам В. И. очень добрый и всегда все делает, что его ни попросишь» (РГАЛИ, ф. 126, оп. 1, № 301).

11

14 (27) февраля 1917 г. Сочи¹

Глубокоуважаемая Александра Николаевна.

Отвечая на Ваш запрос о моем согласии на переиздание у М. и С. Сабашниковых в Москве сделанного Вами при моем сотрудничестве перевода романа «Госпожа Бовари» (Гюстава Флобера),² настоящим заявляю, что я, с своей стороны, на это переиздание согласен при условии, что имя мое не будет значиться на обложке и в заглавии книги (хотя упоминанию о моем *частичном* содействии переводу в предисловии переводчицы, если Вы непременно этого желаете, не препятствую); согласно с вышеизложенным условием, в установлении Вами с Издательством гонорарной оплаты второго и следующих изданий я не участвую и от своих прав на долю в этой оплате отказываюсь, признавая Вас единственной собственницей Вашего перевода.

В случае же, если бы Вы и Издательство непременно желали объявить о моем сотрудничестве на заглавном листе книги, я требую предоставления мне права внести в корректуру все представляющиеся мне в художественном отношении желательными изменения наличного текста (численно, впрочем, по-видимому, немногие). Ибо, как Вам известно, произвол издательства «Шиповник» лишил меня возможности довести до конца то дело, ответственность за которое я взял на себя, согласившись, чтобы на обложке книги были выставлены слова: «под редакцией Вяч. Иванова», — и внести в окончательную корректуру заготовленный для ее правки материал. — Если же будет признано желательным довершить то, что осталось недоделанным в «Шиповнике», то я, с своей стороны, предоставляя всецело Вам определить по соглашению с московским Издательством размеры гонорара за второе издание перевода, не отказываюсь ни от упоминования о моем участии на заглавном листе, ни от некоторой доли в оплате перевода, заранее давая согласие на Ваше и Издательства решение по этому последнему вопросу, и обязуюсь, в свою очередь, употреблять на правку одного печатного листа отнюдь не более трех дней.

Прибавлю, что лично я никак не заинтересован в том, который из двух путей переиздания Вы изберете, и с равным сочувствием отношусь к упрочивающемуся успеху Вашего превосходного труда.

С истинным уважением
неизменно Вам преданный

Вячеслав Иванов.

Сочи, Черномор<ской> губ<ернии>, дача «Светлана».³
14 февраля 1917 г.

¹ Отправлено в Петроград по адресу: Песочная 31а, кв. 3.

² Переиздание «Госпожи Бовари» Г. Флобера в переводе Чеботаревской под редакцией И. Иванова в издательстве М. и С. Сабашниковых не состоялось. 14 октября 1916 г. М. О. Гершензон, имевший ближайшее отношение к деятельности этого издательства, писал Чеботаревской: «В контору Сабашниковых Вы не ответили, ответьте мне. Дело о том, свободны ли для переиздания Ваши переводы Мопассана и Флобера. Выясните это и ответьте. Саб<ашников> склонен их переиздать» (РО ИРЛИ, ф. 189, № 79). В ответном письме Гершензону от 30 октября 1916 г. Чеботаревская сообщала, что из 2000 экземпляров тиража «Госпожи Бовари» разошлось 1100: «...я могу располагать этою книгою, но по условию могу выпустить в свет новое издание не ранее как эти остающиеся экз<емпляры> будут распроданы» (РГБ, ф. 746, карт. 43, № 23).

³ В пансионе «Светлана» в Сочи Иванов провел всю зиму 1916—1917 гг. и оставался там до ранней осени 1917 г. (см.: *Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце. Paris, 1990. С. 67; *Иванов Д. В.* Из воспоминаний // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. М., 1996. С. 36; *Субботин С. И.* «...Мои встречи с Вами нетленны...»: Вячеслав Иванов в дневниках, записных книжках и письмах П. А. Журова // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 209—226). Ср. сообщение в письме Л. В. Ивановой к Чеботаревской от 14 ноября 1916 г.: «Лето мы провели очень хорошо, на Кавказе в Красной Поляне, это 80 в<ерст> от Сочи, в горах. Туда нас увлекли Эрны, кот<орые> обожают это место <...> В середине сентября мы разлучились, они поехали в Сочи: Вячеслав, Вера и Дима, а я с Эрнами в Москву <...>» (РО ИРЛИ, ф. 189, № 95).

15 (28) февраля 1917 г. Сочи

Сочи, Черномор<ской> губ<ернии>, «Светлана».
15 февр. 1917.

Дорогая Кассандра.

С оказией, наспех, пишу и высылаю официальное заявление, составленное, простите, *по-своему!*¹

Не могу сказать, как мы по Вас соскучились. Я дорого бы дал, чтобы побеседовать с Вами — хотя бы даже только опять побраниться из-за «Бовари»...²

Вы знаете меня — знаете, как мне нужен Юг. Каждый день у меня праздник и торжество свидания с морем. Вы меня находили к природе невнимательным, — мало ли сколько несправедливостей я от Вас натерпелся? — но уверяю Вас, что каждый цветочек меня веселит, каждая ветка; а ведь тут в декабре была малина; фиалки все время; только что отцвели мимозы; только что цвел и миндаль, и азалии; а ныне мы занесены вдруг снегом...

Приветствую Вас со всею тоской по личному общению, приветствую горячо Аскольдовых, Скалдина, Франку же пишу сам по делу.³

Ваш старый неизменный друг Вяч. Ив.⁴

¹ См. п. 11.

² Подразумеваются споры, возникавшие между Ивановым и Чеботаревской по ходу редактирования перевода «Госпожи Бовари» (см. п. 10). Л. В. Иванова свидетельствует об их совместной работе над текстом перевода в Эвиане в июне 1912 г.: «...дело шло о стиле Флобера. Они с Александрой Николаевной засели работать вдвоем на многие часы; потом стали слышаться отчаянные крики, рыдания; из окна наверху стали вылетать какие-то предметы. Переводчица была в ярости, и ссора разразилась, но, слава Богу, не на всю жизнь» (Иванова Л. Воспоминания. Книга об отце. С. 50).

³ Аскольдов Сергей Алексеевич (наст. фам. Алексеев; 1871—1945) — философ, критик, публицист; его жена — Елизавета Михайловна Алексеева (урожд. Голдобина; 1880—1955). Скалдин Алексей Дмитриевич (1889—1943) — поэт, прозаик; в 1910-е гг. — близкий друг и ученик Иванова (см.: Из переписки В. И. Иванова с А. Д. Скалдиным / Публ. М. Вахтеля // Минувшее. Исторический альманах. Paris, 1990. Вып. 10. С. 121—141). Франк Семен Людвигович (1877—1950) — философ. Письма Иванова к нему этого времени нам неизвестны; среди писем Франка к Иванову (РГБ, ф. 109, карт. 35, № 79) послания за 1917 г. отсутствуют.

⁴ На письме — приписка В. К. Ивановой-Шварсалон: «Давно писала „в душе“ тебе, дорогая Кассандрина, нежно целую. В»

29 августа 1920 г.¹

Воскресенье, 29/16 августа 1920.

Дорогая Александра Николаевна, приближаемся к Харькову, путешествуя до сих пор с величайшим удобством, — и гадаем, что

дальше будет.² Как облегчение, наверное, почувствовали наши неслыханно и невиданно добрые и любвеобильные друзья, пережив наконец наш отъезд (ведь Дегтяревские³ ухитрились проникнуть даже на платформу и помахать нам шляпою и платком вслед, а Денике⁴ ожидал нас на вокзале, но на перрон, конечно, попасть не мог)! В самом деле, какого утомления стоила им всем полная мобилизация всех дружественных нам физических и моральных сил! А Вы, милая, бедная, верная, близкая, родная, как Вы замучились! Лучше уж и не думать о том, как много приходится нам требовать и брать, и как мало давать...

В нашем уютном купе, с двумя кушетками и одним мягким стулом у столика, мы сами почувствовали себя прежде всего колоссально утомленными. Отдыхаем в дороге. Ах, если бы только этот отдых был продолжителен!.. Разумеется, не досчитываемся того, сего, неизбежно, закономерно забытого в безумной спешке. Ведь и то сказать: за 20 дней пришлось ликвидировать дело о заграничной поездке, устроить кавказскую командировку, проведя ее через все инстанции, реализовать ее, приняв все меры к отъезду, и пройти через все мытарства выезда и тут же собраться в путь, приняв в расчет все новые условия непредвиденного ближайшего и даже более отдаленного будущего, — и всё это в эпоху плача и похорон... Конечно, мы выехали с ненормальной для совокупности этих условий скоростью, гонимые нравственно невозможностью оставаться долее ни на один лишний день в Москве и к тому же угрозою перерыва пути, которая и в настоящую минуту тяготеет над нами.

Припоминаю то, другое, забытое и прошу Вас прислать, — быть может, с Георгием Федоровичем Кнорре.⁵

1) Перламутровый ножичек для разрезывания книг, с кот<орым> я не расстанусь, забытый мною, думается, в Здравнице,⁶ где я разрезал им бумагу, на которой писал Вам доверенность.⁷

2) Нарочно принес я из Здравницы (кажется, в портфеле, — кстати, и мои портфели черный, с надписью «Стасюлевич», и желтый не взятые, а они очень нужны) кипу напечатанных, как рукопись, лекций Штейнера — три курса,⁸ нарочно принес — чтобы взять с собой на Кавказ.

3) Забыты зонтик и, б<ыть> м<ожет>, моя фетровая шляпа, ибо я сам-друг с своей панамой, а время дождливое.

4) Димины⁹ старые башмаки, особенно — бурка! И он еще причитает: «напиши мой поклон, и что я забыл свои деньги, в кошелечке, кошелечек в белом мешочке, мешочек висит на среднем стуле у моей кровати». Претендует, что накопил больше 200 рублей мелочью! Неожиданная для меня черта его характера.

5) Калоши мои, новые, так и не открытые, они в шкапчиках бюро или под кроватью...

Нет у нас далее никакой посуды, ни самовара. И еще напомним, что нужно послать в Голубое за остальным добром (расписку прилагаю; деньги 54 000 р. уплатите по нашему долгу). За неисполнение по приказу Наркомпроса (от З. Г. Гринберга¹⁰ через тов. Решетникова, Ал<ексан>др<а> Антоновича) возможно взять от Нар-

компроса неустойку, в размере потраченной суммы, 10 000 р. — следует упомянуть об этом Захарию Григорьевичу.

Пока всё. Простите непрекращающуюся прозу сборов. Целую Ваши руки.

Ваш Вяч. Иванов.

Last not least! ^a

Вижу, что забыл несколько важных рекомендательных писем. Они должны найтись в бумагах, принесенных из Здравницы Дмитрием Ивановичем.¹¹

К расчету с Дм<итрием> Ив<ановичем>. Он взял с меня на вокзале 25 000 р. в добавление к прежним 10 000 р. Все это прекрасно. Но дело в том, что он получил 8 фунтов пшена, и притом вовсе не в подарок. Подарок — платье. Это обстоятельство необходимо ему напомнить и принять обязательно в расчет при сведении с ним счетов за дальнейшие услуги, в кот<орых>, конечно, будет часто нужда. О пшенице на вокзале он мне ничего не сказал, а дарить ему пшено, повторяю, я не намерен.

¹ Отправлено из Харькова (почтовый штемпель: 30. 8. 20) по московскому адресу Иванова: Москва, Арбат, Большой Афанасьевский пер., д. 4, кв. 3. Почтовый штемпель получения: 9. 9. 20.

² 28 августа 1920 г., 20 дней спустя после смерти жены, В. К. Ивановой, скончавшейся 8 августа в клинике Московского университета, Иванов отправился на юг — согласно постановлению Коллегии Наркомпроса от 12 августа 1920 г., распорядившейся «командировать В. И. Иванова на Северный Кавказ для ведения культурной работы по указанию местных Отделов научного образования и для содействия в деле организации Кубанского университета (<...> просить Народного комиссара здравоохранения поместить В. И. Иванова и больших членов его семьи в один из благоустроенных санаториев на Северном Кавказе (по возможности в Кисловодске) на срок по определению врачей» (приведено Робертом Бёрдом в его статье «Вяч. Иванов и советская власть (1919—1929). Неизвестные материалы», см.: Новое литературное обозрение. 1999. № 40. С. 313). Л. В. Иванова свидетельствует об отце: «Чтобы дать ему отдохнуть, его послали пока что вместе с семьей (Дима и я) на шесть недель в санаторий в Кисловодск и даже устроили ему удобное путешествие в первом классе какого-то привилегированного поезда. <...> Я уложила какие-то вещи (по неопытности много лишнего) и мы оставили Москву, покидая навсегда все остальное: библиотеку, рукописи, письма» (*Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце. С. 87). Вяч. Иванов вспоминает в этой связи в позднейшем письме к С. Л. Франку (3 июня 1947 г.): «В 1920 году, не выпущенный на волю, хоть имя мое и стояло на очереди заграничных командировок, поехал я на Кавказ с фиктивной командировкой дать отчет об университетском преподавании на Северном Кавказе и самовольно явился в Баку» (Мосты. 1963. Кн. 10. С. 363. Публикация В. С. Франка). Путешествие Ивановых из Москвы в Кисловодск описано также Д. В. Ивановым (Из воспоминаний // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. С. 37).

³ Иван Моисеевич Дегтеревский (Дегтяревский; см. его письма к Ал. Н. Чеботаревской в публикации Л. Н. Ивановой в наст. изд.) активно помогал Иванову в общественных и бытовых заботах в первые пореволюционные годы. Вспоминая о жизни в Москве в 1919—1920 гг., Л. В. Иванова свидетельствует: «В это время Вячеслав завел большую дружбу с Дегтеревским, который ему организовал целый курс лекций по Достоевскому, а затем и по Пушкину» (*Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце. С. 83). В архиве Иванова сохранилась подборка стихотворений Дегтеревского; среди них — цикл «Портреты» (РО ИРЛИ, ф. 607, № 292, л. 1—3) с посвя-

^a Что не менее важно! (*англ.*).

щением «дорогому и горячо любимому Учителю Вячеславу Иванову», а также обращенное к Иванову стихотворение (28 февраля 1919 г. — Там же, л. 6):

Мудрец

Посвящается Вячеславу Ивановичу Иванову

В минуты выбора меж жизнью
И поглощающим концом
На Вас смотрю и вижу дальше,
Там за мерцающим лицом

Давно вдали веков ушедших
Среди волхвов Вы шли туда,
Где замерла на южном небе
Лучисто яркая звезда.

Седые волосы ложились
В блестевших нитках серебра.
На темносинем фоне неба
Вы мерно шли искать Добра.

Новорожденному Ребенку
И всем грядущим вслед за Ним
Несли сосуды Тайн великих,
Открытых Вами перед сим.

И вот теперь опять Вы в мире,
Младенца верный ученик,
И прежних Тайн не позабыли
Извечно-сумрачный язык.

Своим перстом худым и вещим
Над бездной Вы светите путь,
Вы не даете нам забытья,
Вы не даете нам уснуть.

⁴ Денике Юрий Петрович (1887—1964) — публицист, социолог, историк; в 1920 г. преподавал на кафедре исторической социологии Московского университета (см.: Вильданова Р. И., Кудрявцев В. Б., Лапто-Данилевский К. Ю. Краткий биографический словарь русского зарубежья // Струве Г. Русская литература в изгнании. Изд. 3-е, испр. и доп. Париж; Москва, 1996. С. 306), читал также лекции (с мая 1920 г.) в Литературной студии Академического подотдела Лито Наркомпроса, которым заведовал Иванов (см.: Художественное слово. Временник Литературного отдела Н. К. П. М., 1920. Кн. 1. С. 62). Ср. текст протокола заседания Общества любителей российской словесности от 16 мая 1920 г. с записью выступления о Вяч. Иванове «г-на Дейнеке», обратившегося «от лица семинария по изучению Пушкина» (Еурога Orientalis. 1993. Т. 12, № 1. С. 334—335. Публикация Н. Котрелева).

⁵ Кнорре Георгий Федорович (1891—1962) — сын инженера-мостостроителя Ф. Ф. Кнорре и брат писателя Ф. Ф. Кнорре; ближайший друг руководителя издательства «Алконост» С. М. Алянского, помогавший в его организационно-издательских делах; беллетрист, опубликовавший (под псевдонимом Алексей Кириллов) повесть «Записки Всеволода Николаевича» (Пб.: Алконост, 1918) и подготовивший к печати «книгу рассказов из детской жизни» (Новая русская книга. 1922. № 2. С. 37); в 1920-е гг. работал в Ленинградском Технологическом институте, с 1931 г. — профессор, заведующий кафедрой (см.: Георгий Федорович Кнорре — инженер, ученый, человек. М., 1991). Иванов общался с Кнорре в связи с печатанием в «Алконосте» поэмы «Младенчество», трагедии «Прометей» и книги рассказов Л. Д. Зиновьевой-Аннибал «Нет!» (в письме к Иванову от 17 августа 1918 г. (РГБ, ф. 109, карт. 27, № 38) Кнорре сообщает о печатании «Младенчества» в Военной типографии; С. М. Алянский в письме к Иванову от 24 августа 1918 г. (РГБ, ф. 109, карт. 11, № 27) просит передать Кнорре исправленную корректуру «Младенчества»; в архиве Иванова сохранилось также письмо к нему Кнорре от 1 ноября 1919 г. (РО ИРЛИ, ф. 607, № 392), относящееся ко времени пребывания Кнорре в Москве).

⁶ В «Здравнице для работников науки и литературы» (Москва, 3-й Неопалимовский пер., 5) Иванов жил в июне—июле 1920 г. в одной комнате с М. О. Гершензоном; там была написана ими «Переписка из двух углов» (Пб.: Алконост, 1921). Этот городской санаторий описан В. Ф. Ходасевичем в очерке «Здравница. Из московских воспоминаний» (1929); см.: *Ходасевич В.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 266—272. По свидетельству М. О. Гершензона (в письме к Л. Шестову от 26 июня 1922 г.), «здравница» «была тесная, грязная, без малейшего комфорта и с плохой едой (однако много лучше домашней, которая тогда была — голод)» (Минувшее. Исторический альманах. Paris, 1988. Вып. 6. С. 263. Публикация А. Д'Амелия и В. Аллоя).

⁷ Этот предмет, видимо, отыскался: Д. В. Иванов свидетельствует, что на рабочем столе Иванова в Риме (в середине 1920-х гг.) лежал «маленький старый перламутровый перочинный ножик» (*Иванов Д. В.* Из воспоминаний // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. С. 61).

⁸ Курсы лекций Рудольфа Штейнера (1861—1925) — религиозного философа и оккультиста, основателя и руководителя Антропософского общества — распространились тогда его последователями в машинописных перепечатках.

⁹ *Иванов Дмитрий Вячеславович* (род. 1912) — сын Иванова и В. К. Ивановой-Шварсалон.

¹⁰ *Гришберг Захар (Захарий, Зорак) Григорьевич* (1889—1949) — партийный и государственный деятель; с февраля 1920 г. — член коллегии Наркомпроса РСФСР, заведующий его Организационным центром.

¹¹ Неустановленное лицо.

14

29 сентября 1920 г. Кисловодск¹

29. IX. 1920.

Дорогая, родная Александра Николаевна!

Пишу Вам третье письмецо (первое с дороги,² второе было послано с отъезжающей, которая однако вернулась назад). Прилагаю письмецо И. М. Дегтяревскому,³ кот<орое> прошу прочесть, п<отому> ч<то> в нем есть кое-что, что не хочется повторять. Только что мы получили от Валентины Аароновны Гурлянд, т. е. из Лит<ературного> Отдела,⁴ через Центропечат, посылку — мануфактуру, но — увы — только ее (15 аршин материи, что очень ценно): денег не высылают, а между тем жизнь дорога, из санатории скоро, пожалуй, придется выйти, мы можем быть временно отрезаны и т. д. — страшно за будущее. Прошусь опять у Луначарского в Грузию:⁵ не увидите ли с ним? Как бы то ни было, куда живем благополучно и отчасти даже приятно, ибо осень здесь благодатная, желтых листьев мало, солнце греет и золотит все вокруг так, как это и приличествует на широте Венеции, на балконе и террасе нашей почти роскошной (но без воды и прочих удобств, вследствие общей разрухи) дачи можно предаваться царственной лени (в ожидании обязательного постановления о немедленной погрузке в санаторный поезд), пушки за горами⁶ давали великолепное эхо, — на «Красных Камнях», под которыми мы живем, зарезали двух женщин и одного мужчину, парк упоителен, и «Храм Воздуха» на высотах над парком, поистине, храм горного эфира.⁷ Дима, оправившись от кровавого поноса, которым переболел тотчас по при-

бытии сюда, берет с Лидией⁸ солнечные ванны, играет в крокет, читает, лежа, во время ее музыкальных упражнений, учится сольфеджио у нее и разным наукам вообще. Я, в качестве серьезного больного (myocarditis sclerotica), эмфизема, и другое, связанное с дыхательными путями, посещаю ингалаторий, беру смешанные с нарзаном ванны, пью воды etc. Меня дружно лечат профессора, заинтересованные в учреждении здесь медиц<инского> факультета, в чем я их перед Наркомпросом поддерживаю. Бывал на ряде заседаний. Читаю скоро публичную лекцию.⁹ Ничего не делаю — только читаю все, что попадет под руку: *Aglaophamus*¹⁰ (скажите это Дегтяревскому и Денике), Платона, ученые книжки и французские романы. О деловом кое-что в письме Дегтяревскому, — о распределении материала я много не думал. Тревожусь без писем, не знаю, что с Вами и что на нашей квартире. Горячо приветствуйте Гершензонов.¹¹ Кланяйтесь Бутягиным.¹² Пишите и пришлите, что можно — и пока можно.

Целую Ваши руки. Вяч. Иванов.

¹ Отправлено с оказией; на конверте надпись: «По возможности лично. Александре Николаевне Чеботаревской. Москва, Арбат. Большой Афанасьевский пер., д. 4, кв. 3. (Тел. 5-26-36). От Вяч. Иванова. Кисловодск, 1-ый Советский Санаторий, Ребровская улица, д. 4, кв. 8».

² См. п. 13.

³ Ни «второе» письмо к Чеботаревской, ни указанное письмо к Дегтеревскому нам не известны.

⁴ Служащая Литературного отдела Наркомпроса.

⁵ Об этом идет речь в единственном выявленном письме Иванова к А. В. Луначарскому, отправленном из Кисловодска (2 октября 1920 г.): «Я писал Вам, как серьезны опасения, вызываемые во мне состоянием здоровья дочери и маленького сына. Нам настоятельно нужно было бы переехать на зиму в Грузию. Поэтому, несмотря на временное успокоение и затишье в Кисловодске, я повторяю мою просьбу: не откажите сделать возможное для Вас, чтобы мне был разрешен этот выезд — из центра ли или от крайних властей» (опубликовано Робертом Бёрдом, см.: Новое литературное обозрение. 1999. № 40. С. 315).

⁶ В это время вблизи Кисловодска велись боевые действия против отрядов «зеленых». См.: *Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце. С. 87—88.

⁷ Упоминаются достопримечательности Кисловодска — излюбленные места для прогулок: Новый парк с группой скал из красного песчаника (Красные камни), павильон на горе (Храм воздуха).

⁸ *Иванова Лидия Вячеславовна* (1896—1985) — дочь Иванова и Л. Д. Зиновьевой-Аннибал; выпускница Московской консерватории, пианистка, впоследствии композитор. См. о ней некрологический очерк в кн.: *Иванов Вяч.* Собр. соч. Брюссель, 1987. Т. 4. С. 704—712.

⁹ Ср. сообщение об этом в цитированном письме Иванова к А. В. Луначарскому: «Назначил публ. лекцию (от Внешкольного отдела нар. обр.) на тему: „Зачем мы ходим в театр?“» (Новое литературное обозрение. 1999. № 40. С. 315).

¹⁰ Исследование филолога-классика, профессора Кёнигсбергского университета Христиана-Августа Лобека (1781—1860) об орфических мистериях и стихотворениях — «*Aglaophamus seu de theologiae mysticae Graecorum causis*» (Vd. 1—2. Königsberg, 1829). Аглаофам (Ἀγλαόφομος) — легендарный учитель Пифагора, предстоятель орфических мистерий. Отсылки к этому труду Лобека имеются в исследовании Иванова «Дионис и прадионисийство», где он характеризуется как «настоящая книга ревнителей эллинских сага агсапа <священных таинств>» (*Иванов Вяч.* Дионис и прадионисийство. Баку, 1923. С. 255; ср.: *Эсхил.* Трагедии в переводе Вячеслава Иванова. М., 1989. С. 423, 580 — комментарий Г. Ч. Гусейнова).

¹¹ Историк русской литературы и общественной мысли, публицист, философ, переводчик Михаил Осипович Гершензон (1869—1925) и его жена Мария Борисовна Гершензон (урожд. Гольденвейзер; 1873—1940).

¹² Вероятно, имеются в виду вдова и падчерица В. В. Розанова — Варвара Дмитриевна Бутягина-Розанова (урожд. Руднева; ок. 1864—1923) и Александра Михайловна Бутягина (ок. 1882—1920). В круг знакомых Иванова входила, возможно, и московская поэтесса и драматург Варвара Александровна Бутягина (род. в 1901 г.); см. о ней: Писатели современной эпохи. Биобиблиографический словарь. Т. 2 / Книга подготовлена к изданию Н. А. Богомоловым. М., 1995. С. 51—52.

15

27 октября 1920 г. Кисловодск¹

Кисловодск, Ребровая 4 (1-ый Санаторий).
27 октября 20.

Дорогая Кассандра! Благодарить Вас — нельзя. Смешно и неприлично. Но знайте все же, что я *знаю*, во всей полноте и отчетливости знаю, сколь многого потребовал от Вашего великодушия, от беспредельной Вашей сердечности. А Вы делаете, кажется, еще больше, чем сколько я вынужден был потребовать! Со всем, что Вы пишете, я согласен. Ожидаю от Анатолия Васильевича, которому писал несколько раз откровенно о своих затруднениях, окончательных указаний.² Здешний Народ<ный> Унив<ерситет>, где я уже читал несколько лекций, хотел бы также удержать меня в Кисловодске. По его ходатайству мне предоставляют здесь две комнаты и академ<ический> паек. Думаю, что нам удастся кое-как устроиться. Но здесь наступили холода; вопрос об отоплении, при топливном кризисе, не выяснен; жизнь непомерно дорожает. Природа Кисловодска переменилась. Грозит повсюду простуда. У Лидии обострение верхушечного процесса. У меня сухой плеврит, от которого все же лежу (лежа пишу) с банками на боку. Баку (что за нелепо-каламбурное сопоставление!) манит теплом и пугает всем остальным (дороговизной, неопределенностью общего положения, болезнями, буйными ветрами etc.). Доживаем последние дни в закрывающемся с 1-го ноября санатории (адрес действителен и дольше для писем и посылок). Подыскиваем помещение. Если нужно будет, приедем в Москву.³ Это возможно, поскольку позволит здоровье и холод. То, что Вы рассказываете о московской квартире, более чем просто мирит меня с нею. О, дорогой, любимый, добрый, добрый, себя не жалеющий и как бы не помнящий друг!.. Товарищ из Центропечати оставил для ответа кратчайшее время, поэтому и я так краток на сей раз. Но через Центропечать возможны вполне сносные и довольно прямые сношения. Известие о смерти Володи Чулкова потрясло меня до глубины души; поэтому прибавляю несколько строк Георгию Ивановичу.⁴ Спасибо за деньги (30.000)!⁵ Что Лит<ературный> Отдел?⁶ Какова его жизнь, участие в ней друзей, его студия и его платежеспособность? Дегтяревских целую и благодарю.

Ваш Вяч. Ив.

271

Мне нужны мои портфели — и многое, что в них находилось. Я уже отмечал кое-что.

Нужны цветные тетради со стихами для составления сборника, кот<орого> я не выслал.⁷

Лидии нет дома, она готовится к концерту. Ей не будет физически вре<мени> написать словечко.

¹ Отправлено с оказией; на конверте надпись рукой Иванова: «Гражданке Александре Николаевне Чеботаревской. Москва. Арбат, Большой Афанасьевский пер., д. 4, кв. 3. Телеф. 5-24-36». Ответ на неизвестное нам письмо Чеботаревской.

² О содействии А. В. Луначарского, возглавлявшего Народный комиссариат по просвещению (Наркомпрос), в устройстве дел Иванова в это время см.: *Бёрд Р.* Вяч. Иванов и советская власть (1919—1929). Неизвестные материалы // Новое литературное обозрение. 1999. № 40. С. 313—315.

³ Ср. свидетельства Л. В. Ивановой о пребывании в Кисловодске: «Вскоре нам объявили, что кисловодский санаторий ликвидируется. Всем больным было предложено написать, куда они желают быть отправленными. Выбор был между Москвой, двумя городами центральной России и Баку. <...> Вячеслав неустрашимо выбрал Баку. Юг, да и граница близка. Кто знает, не удастся ли перебраться через нее, а потом окольным путем в Италию?» (*Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце. С. 88).

⁴ *Чулков Георгий Иванович* (1879—1939) — прозаик, поэт, критик; теоретик «мистического анархизма», поддержанного в 1906—1907 гг. Ивановым. Откликаясь на кончину Чулкова, Иванов признавался в письме к Б. К. Зайцеву (28 марта 1939 г.): «...я его очень любил, горько, бывало, обижаясь на его обидчиков и клеветников <...> Я знал его слабости, но умел ценить и его душу, и его духовное горение, и его порою ярко вспыхивавший литературный талант. <...> Мне был он верным и прекрасным другом» (Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 290. Публикация Ж. Шерона). Текст упоминаемого письма Иванова к Чулкову нам неизвестен. Умерший в 1920 г. от менингита единственный сын Г. И. и Н. Г. Чулковых Володя родился 1 января 1916 г. (Институт мировой литературы, ф. 36, оп. 3, № 27, л. 10).

⁵ К письму приложена расписка: «Пересланные мне через Центропечать деньги — тридцать тысяч (30 000) рублей — получил. 27 октября 1920. Кисловодск. Вячеслав Иванов».

⁶ Подразумевается Литературный отдел Наркомпроса. Иванов был членом его Центральной коллегии с декабря 1919 г. до августа 1920 г.

⁷ Замысел сборника новых стихотворений Иванова тогда не был реализован.

16

20 февраля 1921 г. Баку¹

Баку, Госуд<арственный> Университет
(Меркурьевская улица).²
20/7 февраля 1921.

Трудно, дорогая Кассандра, кричать в безвидное и глухонемое пространство: единственная весть из Москвы, достигшая до нас после отъезда нашего из Кисловодска, — письмецо моей милой Оли Мочаловой, полученное по почте на днях.³ Если она знает, как нам писать, то знает это предположительно через Вас: следовательно, дошли же до Вас наши послания? А между тем ни слуху, ни духу из Москвы... Мы живем в университете в одной, но поместительной, светлой и высокой комнате, разделяющейся (при помощи шкапов и ковров) на спальню и салон-столовую-кабинет, где помещается и полученный Лидией, в качестве преподавательницы консер-

ватории, рояль-Бехштейн.⁴ Работать по невозможности уединиться весьма трудно, но я ухитряюсь (хотя стихов писать уже по изложенной причине не могу). Готовится все на тут же стоящей керосинке; академический паек — главная основа, но он для нас троих недостаточен. Профессорское жалование 58.000; я взял еще лекции на Рабочем факультете и уроки на стороне (в 8-м классе Коммерч<еского> Училища); сидим теперь без денег вовсе, не на что купить табуку. Дима тревожит повышениями температуры, наблюдаемыми в некоторые периоды. Их причина — бронхиальные железы; за ним следят коллеги-медики и рекомендуют летнее пребывание на берегу моря — здесь есть хорошие для этой цели дачные места с пляжем. Климат Баку в общем хорош. В декабре и январе была чудесная весна, а теперь хуже. Снег выпадал с осени не раз, но не надолго, и солнце греет великолепно. Порой неприятный сильный ветер, но большой беды от него нет. О том, что воздух в Баку заражен нефтью, сказки рассказывают. Баку самое теплое место на Кавказе, теплее Тифлиса, и климат для легких несколько не вреден. Университетом я вполне доволен, он и по числу слушателей, и по качеству научных сил, и по полноте факультетских программ вполне на высоте *хорошего* провинциального университета и лучше, напр<имер>, чем современный Казанский. Судите по следующим данным о моих курсах:

1) Греческая трагедия (2 часа), курс весьма специальный — слушателей постоянных человек 20—30 (но класс<ическая> филология возбуждает наименее интереса, и знание древних языков среди студентов очень слабо).

2) Курс о Данте (2 часа) — слушателей больше, и все же мало, человек 30—40.

3) Курс о Достоевском (2 часа) — слушателей очень много; пишутся серьезные рефераты, и обсуждение одного из них было целым событием в университетской жизни.

4) Итальянский язык (2 часа) — человек 20 или больше.

5) Гораций, *Arg Poetica*, семинарий — 4 участника.

6) Эсхил, семинарий — 3 участника.⁵

Кроме того, организован «рабочий факультет», где я стал читать рабочим и студентам вместе «О художественном слове» (поэтика — 2 часа). Слушателей множество, и аудитория образцовая по заинтересованности. Пишу спешно 3 печатных листа (*maximum*) для Ученых Записок университета, которые будут печататься.⁶ — Живем культурным оазисом, и нас уважают. — Люди в университете вообще хорошие, некоторые же очень симпатичны; есть и прямо интересные...

Персидский язык временно я бросил — некогда, но санскритом занимаюсь. Среди молодежи есть группа, весьма мне приверженная.

Лидия счастлива полученным инструментом, занимается контрапунктом, изредка выступает исполнительницей на вечерах, написала одну композицию.

Дима учится дома (со мной занимается по-французски, с Лидией — другим и особенно музыкой), сочиняет стихи, комедии, очаровательно развивается и пользуется постоянным обществом живущих в унив<ерситете> детей (профессорских).

Это письмо направляется к Вам с Сибором, который здесь имеет большой успех.⁷ Сахновский пользуется гораздо меньшим.⁸ Мысль о Вас соединена для меня всякий раз с какою-то жуткою тревогой. Воображение рисует всякие страхи... Приветствуйте друзей и, в частности, Гершензонов, о которых думаю: почему их здесь нет? Если бы М. О. мог отказаться временно от того, что дает Москва для его текущих работ,⁹ ему и семье было бы здесь, быть может, хорошо. Правда, квартирный вопрос здесь вопрос роковой, и благо тем, кого вовремя приютит университет, — да и то, пожалуй, выселят из здания. А для унив<ерситета> был бы он великим приобретением, для меня же утешением. Если Вы имеете на меня деньги из Лит<ературного> О<тдела> и вырученные от продаж, — о, как было бы это кстати! Только нужна оказия — ужели нет таковой в Центропечати и Наркомпросе?

Удивительно, что Луначарский нас игнорирует. Я посылал ему и из Баку отчет, запрашивал о книгах для университета, вместе с проф. Томашевским, заместителем наркома просв<ещения>.¹⁰ Ответа не было. — Чего бы я желал, это возобновления дела о моей заграничной командировке. Здешний унив<ерситет> и Наркомпрос командировали бы меня, а Москва дала бы нужные деньги, — вот о чем следовало бы попросить и похлопотать для меня, иначе отсюда ничего не добьешься, а в Москву самому ехать крайне затруднительно.

Покуда, до свидания, моя радость и надежда, добрая, милая, любимая Александра Николаевна — до *свидания идеального*, хочу я сказать, через письма, что ли, а о реальном и мечтать нельзя.

Ваш всегда и всегда Вам бесконечно благодарный

Вяч. Иванов.

До крайности нуждаюсь в одном по крайней мере экземпляре «Родного и Вселенского», не имея книги с собой и принужденный говорить на память о том, что там есть (хотя бы по поводу Достоевского).¹¹ М<ожет> б<ыть>, возможно один экземпляр поручить почте?

В. И.

¹ Отправлено с оказией по тому же адресу, что и п. 14, 15.

² Иванов с семьей выехал из Кисловодска в Баку в начале ноября 1920 г. С 17 ноября 1920 г. Иванов — профессор по кафедре классической филологии историко-филологического факультета Бакинского государственного университета (см.: *Котрелев Н. В.* Вяч. Иванов — профессор Бакинского университета // *Труды по русской и славянской филологии. XI. Литературоведение.* Тарту, 1968. С. 326—327 (Ученые записки Тартуского гос. ун-та; Вып. 209).

³ *Мочалова Ольга Алексеевна* (1898—1978) — поэтесса, участница «Кружка поэзии», работавшего в Москве в феврале—августе 1920 г. под руководством Иванова; автор мемуарного очерка «О Вячеславе Иванове» (Новый журнал. Нью-Йорк, 1978. Кн. 130. С. 150—158; *Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце. С. 361—366) и книги воспоминаний «Литературные встречи» (фрагменты опубликованы А. Л. Евстигнеевой со вступительной статьей об авторе и комментариями, см.: Отечественные архивы. 1998. № 5. С. 44—61). Упомянутое письмо нам не известно; в архиве Иванова сохранились лишь два письма Мочаловой к нему (РГБ, ф. 109, карт. 31, № 35; РО ИРЛИ, ф. 607, № 258).

⁴ Ср. свидетельства о первых месяцах пребывания Иванова в Баку в «Беседах философских и не философских» Е. А. Миллиор: «В. И-чу дали небольшую комнату в самом университете и даже выходящую непосредственно прямо в университетский коридор. Т. е. он, можно сказать, не имел своего угла в это время. Комната была слишком мала для 3-х. Обстановка была скромная. Налево от дверей был протянут полог — параллельно левой стене до противоположной от двери стены, за которой помещалась кровать В. Ив. Правей стоял рояль. На столе, всюду, всюду в беспорядке лежали книги, ноты, вещи. Беспорядок до хаоса и теснота, полнейшая неуютность — вот впечатление от комнаты, где В. Ив. прожил первое тяжелое время в Баку» (Вестник Удмуртского университета. 1995. Специальный выпуск. С. 22. Публикация А. Кобринского и К. Левиной). См. также: *Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце. С. 92; *Иванов Д. В.* Из воспоминаний // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. С. 38).

⁵ Приступив к исполнению профессорских обязанностей, Иванов 23 ноября 1920 г. доложил историко-филологическому факультету о намеченных им курсах и семинариях на текущий академический год: «История греческой трагедии» (2 часа в неделю), курс «Данте и Петрарка» (2 часа), курс о Достоевском (2 часа), греческий автор (Эсхил, 2 часа), «*Ars poetica*» Горация (2 часа); предполагались также курсы «Греческая религия», «„Энеида“ Вергилия», «История греческой поэзии» (*Комплев Н. В.* Вяч. Иванов — профессор Бакинского университета. С. 326). Курс итальянского языка для начинающих был поручен Иванову по его почину после заседания факультета 11 декабря 1920 г. (Там же. С. 327).

⁶ Проект этого издания тогда не был реализован.

⁷ *Сибор Борис Осипович* (1880—1961) — скрипач, профессор Московской консерватории (с 1921 г.), артист оркестра московского Большого театра (с 1905 г.).

⁸ *Сахлювский Василий Григорьевич* (1886—1945) — режиссер, драматург, театровед.

⁹ М. О. Гершензон был связан со многими столичными официальными инстанциями: состоял в бюро Академического подотдела Литературного отдела Наркомпроса, заведовал литературной секцией Российской Академии Художественных Наук (Государственной Академии художественных наук), был членом коллегии 4-й историко-культурной секции Главархива, одним из редакторов Книгоиздательства Писателей в Москве и т. д.

¹⁰ *Толмашевский Всеволод Брониславович* (1891—1927) — профессор-санскритолог, один из организаторов Бакинского университета, заместитель комиссара народного просвещения Азербайджанской ССР (с 1920 г.); с весны 1926 г. — ректор Ленинградского университета; по свидетельству Л. В. Ивановой, «очаровательный человек, добряк, коммунист старинного романтического стиля <...>, но, к сожалению, безнадежный алкоголик» (*Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце. С. 98).

¹¹ В книгу Иванова «Родное и Вселенское. Статьи (1914—1916)» (М.: Изд. Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1917), посвященную «вечной памяти Федора Михайловича Достоевского», включена статья «Лик и личины России. К исследованию идеологии Достоевского» (С. 125—169).

17

14 января 1923 г. Баку

14/1 янв. 1923.

Дорогая К... и Цаца. С новым годом. Что же Вы не едете? И ответа на телеграмму не даете? ¹ Благодарю за милые большие основательные письма. (Кстати, одно мое, посланное с оказией, не дошло).² А, впрочем, удивляюсь, читая их, что нет в них — сколько ни ишу — ни следа сконфуженности. Vive l'aplomb!...^a Ну, а подумайте, хорош бы я был, если бы, не применив к Вам, мой нежный

^a Да здравствует самоуверенность!.. (франц.).

провокатор, достодожной осторожности и критики, послушался бы Вас и не ограничился взятием командировки на всякий случай и дальнейшим телеграфическим запросом, а прямо с детьми махнул бы в Вашу отвратительную Москву, где бы и возобновил славную эпоху своего культурного служения за 1918—1920 годы. Вам-то это на руку, Вы хотите меня определить на службу:

«— пускай его послужит
Изрядно сказано: пускай его потужит».³

Зато это будет в столицах!! среди друзей!! etc. etc. Ну, довольно. Но согласитесь, досадно было вместо подтверждения первого сообщения и окончательного точного обещания (я ведь телеграфировал: «можно ли окончательно *положиться?*») — получать сообщения по телеграфу о погоде, пользе шуб, отоплении квартиры и т. д., — пока, наконец, я не услышал «речь не мальчика, но мужа»⁴ — что, дескать, не извольте беспокоиться приезжать, *единственная* цель Вашего приезда есть цель недостижимая. А если бы Вы знали, что было у нас, в моем милом хорошем Бак<инском> Университете (он, воистину, милый и хороший, и знаю я это ныне с полной точностью, из подробных и обстоятельных отчетов Лёли,⁵ сообщенных ею расписаний, из ее записей лекций, из перечня московских «профессоров» и т. д.), — итак, что было у нас из-за Вашей телеграммы: какие объяснения в Совете, какой моральный бойкот моей командировки, ибо ныне на своей кафедре (по смерти Лопатинского)⁶ я один, и обслуживаю еще и преподавание других обязательных предметов, так что с моим отъездом словесное отделение (Багрий⁷ все время тяжело болен) оказалось бы в середине учебного года совсем почти пустым.⁸ Мало того: наркомпрос Кулиев⁹ с негодованием объявил ректору, что он меня не пустит, несмотря на магическое слово Вашей телеграммы, что Москва им не указ и пр. Ах, Вы опрометчивая, легкомысленная, упрямая Коза!.. Видите ли, я Вас побраниваю и высмеиваю, хотя и по-доброму, упрочившемуся между нами, почтенному обычаю, но вполне справедливо: только этой вскрываемой мною стороны дела Вы как-то доселе не заметили («слона-то я не приметил»);¹⁰ а впрочем, я Вас обожаю, хотя в качестве Евы, предлагающей яблоко, Вы и заслуживаете репрессалий. И кроме того, у меня температура высокая, грипп, и Леля, высланная попечительными родственниками на день раньше предположенного, должна сейчас же, утром в день старого нового года, забрать эти письмеца, и потому, так как обо всем остальном Вы вообще осведомлены, кончаю сии с трудом выводимые строки в почтенном уверении в моей безграничной преданности, нежности, любви и злости, и выражением негодования моего за Ваше бессрочное и ничем не оправдываемое дезертирство.

Ваш Вяч. Иванов.

Я решил было поехать весной — один или, лучше, с Вами вдвоем — в Москву, pour tater la terrain^a (понятно, насчет заграничной

^a Чтобы прошупать почву (франц.).

командировки), но теперешние вести о войне исполняют меня благодарностью к Промыслу. Думаю о Гершензонах, не вернутся ли они тотчас?

Больше не могу, болит голова болью.*

Сейчас съездил *все же* на лекцию («зачем нужна высшая школа») по случаю дня пролет<арского> студенчества на обувную фабрику. Очень люблю говорить с рабочими!¹¹ Лидия лежит больная и потому не успевает написать, целует крепко. От Димы идет самостоятельное письмо, дополняющее мое.¹² Извещите мою общую бестолковость и беспорядочность, милая, милая, милая Кассандра.

В. И.

¹ Текст этой телеграммы неизвестен; вероятно, она была связана с предполагавшимся и несостоявшимся тогда повторным приездом Чеботаревской в Баку и поездкой Иванова в Москву. Предыстория этих проектов выясняется из дневниковой записи М. С. Альтмана от 19 октября 1922 г.: «Позавчера ночью В. <Вяч. Иванов> мне неожиданно сообщил, что получил телеграмму из Москвы от Александры Николаевны Чеботаревской, что Луначарский советует ему приехать в Москву. Это значит, что письмо В. к Луначарскому с просьбой содействовать отправке его за границу возымело действие; и вот через две недели В. собирается в Москву, чтоб оттуда выехать в Германию» (Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым. С. 262). В дальнейшем, видимо, стало понятно, что приглашения и советы, исходившие от Луначарского, напрямую с предоставлением Иванову заграничной командировки не связаны.

² Упоминаемые письма не выявлены.

³ Неточно цитируются (первая строка в оригинале: «Того не надобно, пусть в армии послужит») строки из комедии Я. Б. Княжнина «Хвастун» (1784 или 1785; действие III, явление 6-е), взятые эпиграфом к гл. I «Капитанской дочки» Пушкина. См.: Гиллельсон М. И., Мушина И. Б. Повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Комментарий. Л., 1977. С. 64—67.

⁴ Слова Марины в «Борисе Годунове» Пушкина (сцена «Ночь. Сад. Фонтан»).

⁵ Самойлова Леонида Иосифовна (в замужестве Фейнберг; 1907—1945) — начинающая поэтесса. Иванов очень рекомендовал ее, переехавшую из Баку в Москву, своим литературным знакомым, в частности — Б. А. Грифцову письмом от 28 июня 1924 г. (РГАЛИ, ф. 2171, оп. 2, № 5). См. справку о ней Н. В. Котрелева (Вестник Удмуртского университета. 1995. Специальный выпуск. С. 50), а также: Иванова Л. Воспоминания. Книга об отце. С. 100.

⁶ Лопатинский Лев Григорьевич (1841—1922) — лингвист, этнограф; профессор Бакинского университета по кафедре классической филологии с 25 ноября 1919 г. по 21 августа 1922 г. (<Маковельский А.> Азербайджанский государственный университет имени Ленина. Первое десятилетие. 1919—1929. Баку, 1930. С. 99). О его смерти см. дневниковую запись М. С. Альтмана от 24 августа 1922 г. (Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым. С. 259—260, 345 — комментарий К. Ю. Лаппо-Данилевского).

⁷ Базрий Александр Васильевич (1891—1949) — профессор Бакинского университета, специалист по древнерусской, новой русской и украинской литературе. Отношения между ним и Ивановым были неприязненными (см.: Мануйлов В. А. Записки счастливого человека. Воспоминания. Автобиографическая проза. Из неопубликованных стихов. СПб., 1999. С. 95—96).

⁸ Ср. свидетельства о работе Иванова в Бакинском университете в письме Л. В. Ивановой к Чеботаревской от 3 февраля 1923 г.: «Судари (т. е. Иванов. — А. Л.) занимаются лекциями в университете». Греч<еская> литер<атура>, Римск<ая> литер<атура>, поэтика, — семинарии: Тацит, Платон, Гете, поэтика, по желанию одной группы гимн Деметры с комментариями по истории греч<еской> религии, затем еще читает по разу в неделю в 2-х других учрежд<ениях>: Педагогическом институте и еще при Наркомпросе» (РО ИРЛИ, ф. 189, № 95).

* Далее — более поздняя приписка чернилами (остальной текст — карандашом).

⁹ Кулиев Мустафа (1893—1938) — народный комиссар просвещения Азербайджанской ССР в 1922—1928 гг.

¹⁰ Заключительная строка басни И. А. Крылова «Любопытный» (Басни, кн. 4, XV).

¹¹ О культурно-просветительской деятельности Иванова в Баку, осуществлявшейся за пределами университета, см.: *Котрелев Н. В.* Вяч. Иванов — профессор Бакинского университета. С. 334—335.

¹² Это письмо Д. В. Иванова (от 13 января 1923 г.) сохранилось в архиве Чеботаревской (РО ИРЛИ, ф. 189, № 93).

18

7 июня 1923 г. Баку

7 июня 1923.

Дорогая, любимая Александра Николаевна.

Согласен, что в высшей степени странно по существу дела (не говоря уже о том, сколь морально предосудительно и просто бездушно, противно!) — не отвечать на простые и ясные и нужные вопросы, когда притом требуемые ответы заранее оплачены на телеграфе. Но чего я не умею, того так стихийно не умею, что когда от меня требуют этого умения, я впадаю в род каталепсии. А умею я, кажется, все, чего хочу; а чего не хочу, не умею уметь. Если же так, то ответ на вопрос о летних планах и о приезде в Москву был для меня невозможен потому, что никакой воли ни к каким планам и ни к каким поездкам нет у меня ни в сознании, ни, тем менее, в сфере сублиминальной — что особенно печально для судьбы «планов». Говоря толковее, деловитее, — единственное желание мое, также весьма относительное, составляет поездка за границу, — скажем, на худой конец, в Германию. Со времени французской оккупации я решительно усмотрел несвоевременность таковой поездки, которая грозила бы поставить нас в неожиданно тяжкие условия. Тогда я решил спокойно продолжать свою разумно найденную и соответствующую моим вкусам линию поведения, т. е. бакинское сидение. Поехать в Москву нам всем было бы, как мы нашли с Лидией, во-первых, весьма не по карману, во-вторых, едва ли полезно для здоровья младших членов семьи: утомителен и опасен переезд, изнурительно пребывание в городе, необходимое на несколько недель, дача проблематична или не по нашим средствам, все вместе едва ли дало бы в итоге плюс для здоровья. Лидия могла бы, правда, показать свою работу московским музыкантам,¹ но — говорит она — время не уйдет, была бы работа. Видно, в отца пошла, который столь же мало заинтересован в том, помнят ли его читающие круги или забывают, лучше бы вовсе забыли, — свежее было бы впечатление встречи в менее оголтелые и зарпортовавшиеся времена. Могла бы Лидия достать кое-что нужное из вещей, доселе хранившихся, благодаря, главным образом, Вашему заступничеству; но Вы сами ведь соберетесь же к нам, рано или поздно, и привезете, что нужно. Другое дело — моя личная поездка в Москву на недолгое время: она была бы для меня крайне уо-

мительна и даже мучительна, но в некоторых отношениях прямо полезна. И я ожидал просто благоприятной в этом направлении комбинации в Наркомпросе, где ныне состою ответственным работником по заведыванию художественными школами и председателем Художественной Секции, почему по горло увяз в сложном деле здешней консерватории, которую стремлюсь избавить от тирана ректора, облеченного диктатурой, разогнавшего кучу порядочных и даже очень хороших музыкантов и царящего в пустыне.² Мы (с Наркомом)³ отыскивали подходящее на его место лицо, телеграфировали Гнесину⁴ (кстати, если он вернулся из Берлина, *телеграфируйте*), я писал Гольденвейзеру,⁵ прося людей (но не получил ответа), и серьезно думал о Гречанинове⁶ (поклонитесь Александру Тихоновичу) и Марию Григорьевне⁷ и *выспросите*, не согласен ли был бы он — в Баку; если да, *тотчас спешно* телеграфируйте, ибо выбор, кажется, уже сделан, но дело может сорваться, и его согласие и теперь важно: поймите, речь идет о ректорстве, а иметь его просто профессором всячески желанно).⁸ Так вот, и ждал я, что потребуется моя поездка, почему и не знал, как Вам ответить: еду или нет. Но дело иначе устраивается. А для своих целей я бы использовал пребывание в Москве двойкою: 1) отобрал бы книги, мне *абсолютно* нужные, и как-нибудь привез бы их в Баку, 2) позаботился бы о том, о чем Вы, несмотря на все мои настояния, упорно забываете: сдал бы в печать в любое издательство (конечно, поговорив раньше с Эфросом, как представителем нерожденной «Полярной Звезды» или «Гесперид») свой очерк «Эллинская религия страдающего бога»,⁹ который должен быть в печати потому, что я ссылаюсь на него, как на полезное введение, в новой книге «Дионис»,¹⁰ экземпляр коей — так как обладаю всего четырьмя! — посылаю «достойнейшему», а именно Фаддею Францевичу,¹¹ через Ваше дружеское посредство: но помните, что каждый экземпляр ценится буквально на вес золота и пропажу его возместить не могу. 3) Сдал бы я, *быть* может, также в печать и сборник стихов, но это меня так мало волнует!...¹² Как бы то ни было, факт тот, что в Москву я не еду. Передаст Вам сие знакомый Вам милый мой сотрудник, секретарь Художественной Секции, Андрей Павлович Бородин, который кое-что Вам скажет о здешнем житье-бытье, хотя о нашей семейной жизни ничего не знает. Жизнь наша: две уютных солнечных комнатки с окнами на замкнутый решеткою университетский двор, за решеткою видна католическая церковь.¹³ Настя с нами сжилась очень дружно и тепло, она только что потеряла мать.¹⁴ Живет с нами Сергей Витальевич, всегда светло-гармоничный.¹⁵ Лидия написала сонату, по моему очень значительную, которую музыканты весьма хвалят и уважают. Она окончила «формы».¹⁶ Сделайте для меня вот что:

1) *lancez mon livre*^a — Эллинская религия страдающего бога. Переговорив с А. М. Эфросом. Если бы по несчастию экземпляр (единственный печатный) был утерян, перепечатывать со ста-

^a Дайте ход моей книге (*франц.*).

тей в Нов<ом> Пути и Вопр<осах> Жизни без изме<не>ний. О корректурах сговоримся.

2) Пришлите мне класс<ическую> филологию и даже запад<ную> литературу из моей биб<лиотеки> всю, но не знаю, как Вы это сделаете! Посылки пропадают. *Нужен верный путь.* Нужен проводник. О деньгах, если не отпустят в Москве, буду хлопотать здесь после Вашего уведомления о сумме и порядке посылки.

Обнимаю Вас, как люблю.

Ваш Вяч. Иванов.¹⁷

¹ Имеются в виду фортепьянные пьесы и романсы, написанные Л. В. Ивановой в Баку (см.: *Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце. С. 112—113).

² Имеется в виду Илья Семенович Айзберг (1868—1942) — пианист, композитор, педагог; в 1923—1928 гг. ректор консерватории в Баку. О «междоусобной войне музыкантов» в Баку см.: Там же. С. 114.

³ Нарком просвещения М. Кулиев.

⁴ *Гнесин Михаил Фабиянович* (1883—1957) — композитор, педагог, музыкальный деятель; посещал собрания на «башне» Иванова (см.: *Гнесин М. Ф.* Статьи. Воспоминания. Материалы. М., 1961. С. 140, 149), написал музыку к ряду стихотворений Иванова. К 1915 г. относится неосуществленный совместный замысел Иванова и Гнесина — музыкальная драма «Миндальное дерево» (см.: *Обатини Г. В.* Из материалов Вячеслава Иванова в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994. С. 50).

⁵ *Гольденвейзер Александр Борисович* (1875—1961) — пианист, композитор, педагог; профессор Московской консерватории по классу фортепьяно.

⁶ *Гречанинов Александр Тихонович* (1864—1956) — композитор; автор музыкальных произведений на стихи Иванова. Гречанинову посвящено стихотворение Иванова «Твоя душа, вся звон и строй...» (1919) (*Иванов Вяч.* Собр. соч. Брюссель, 1987. Т. 4, С. 83).

⁷ *Гречанинова Мария Григорьевна* (1870-е гг.—1947) — жена А. Т. Гречанинова; в первом браке — жена художника А. В. Средина.

⁸ Все эти проекты реформирования Бакинской консерватории не осуществились.

⁹ *Эфрос Абрам Маркович* (1888—1954) — искусствовед, художественный критик, поэт, переводчик; в 1919—1927 гг. заведовал учетом и охраной памятников искусства в Музейном отделе Наркомпроса, занимался художественно-административной деятельностью и в других учреждениях. В московское издательство «Полярная Звезда», одним из учредителей которого был Эфрос, Иванов передал наборный экземпляр (в корректурных листах) своей книги «Эллинская религия страдающего бога», отдельное издание которой, готовившееся в петербургской типографии «Сириус», не состоялось (см.: *Котрелев Н. В.* Неизданная автобиографическая справка Вячеслава Иванова // *Сестры Аделаида и Евгения Герцык и их окружение.* М.; Судак, 1997. С. 190—191, 193—194). Впервые «Эллинская религия страдающего бога» была напечатана в журнале «Новый Путь» (1904. № 1—3, 5, 8, 9), окончание ее (под заглавием «Религия Диониса. Ее происхождение и влияния») — в журнале «Вопросы жизни» (1905. № 6, 7). Хлопоты Иванова об издании «Эллинской религии...» успехом не увенчались. Экземпляр наборного текста книги сохранился у Эфроса; вероятно, именно он ныне передан в Отдел рукописей Российской государственной библиотеки; другой экземпляр хранится в римском архиве Иванова.

¹⁰ В Предисловии к этой книге Иванов сообщает: «Первины моих изучений и размышлений об этом предмете <...> изложил я, уже много лет тому назад, в опыте общей характеристики дионисийства. Этот опыт, в виде серии статей, был напечатан в ежемесячнике „Новый Путь“ за 1904 г., под заглавием „Эллинская религия страдающего бога“, и в сменившем его ежемесячнике „Вопросы Жизни“ за 1905 г., под заглавием „Религия Диониса“. Отдельное издание погубло перед выходом в свет на складе; кажется, оно будет возобновлено» (*Иванов Вяч.* Дионис и праднионисийство. Баку, 1923. С. V).

¹¹ *Зелинский Фаддей Францевич* (1859—1944) — филолог-классик, поэт-переводчик, историк культуры; профессор Петербургского университета по кафедре клас-

сической филологии (до 1922 г.). Возможно, Иванов еще не знал о том, что Зелинский в 1922 г. не вернулся в Россию из заграничной командировки и обосновался в Польше, возглавив кафедру классической филологии в Варшавском университете.

¹² Неосуществленный замысел. Во время пребывания в Баку Иванов почти не писал стихов и неоднократно обращал внимание других на это обстоятельство; ср. его замечания в письмах к Ф. Сологубу от 31 августа 1922 г.: «Не выпускайте из рук Вашей дивной лиры. Моя разбита» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976. С. 149); к В. А. Меркурьевой от 17 июля 1921 г.: «Я старый, немецкого типа, педант-профессор, *только* профессор <...> Много работаю, исключительно в филологии (о стихах и тому подобном и помину нет)» (РГАЛИ, ф. 2209, оп. 1, № 35. Опубликовано К. Г. Петровым: Русская литература. 1991. № 1. С. 178); к И. М. Гревсу от 12 мая 1922 г.: «Муза, говорю я, меня покинула — навсегда ли, также не знаю» (Русская мысль. 2000. 20—26 января, № 4301. С. 18. Публикация Г. Бонгард-Левина); к Г. И. Чулкову от 14 января 1923 г.: «От меня же ничего больше не ждите, моя песенка оказалась спетой» (РГБ, ф. 371, карт. 3, № 45).

¹³ О новом жилье Чеботаревскую известил ранее Д. В. Иванов (в письме от 13 января 1923 г.): «...мы вот уже месяца 2—3 как переехали в квартиру Н. Н. и Л. А. Вознесенских, которые в свою очередь переселились в здание раб. фака. Жили мы счастливо месяц или более с семьей Кабановых (они занимали две большие комнаты, а мы — две маленькие)» (РО ИРЛИ, ф. 189, № 93). 3 февраля 1923 г. Л. В. Иванова писала Чеботаревской: «Итак, живем мы в бывшей летней канцелярии (кв<артира> Вознесенских) на новом месте. У нас здесь 2 маленькие комнаты, бывшая ректорская и рядом с ней, выходящие на юг в тот же двор, как и прежде, только с другой стороны, прямо напротив бывш<его> студ<енческого> кооператива <...>. У нас есть кухня и ванна <...> Таким образом, жизнь наладилась и, как видите, не без вас» (Там же, № 95). См. также: *Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце. С. 109; *Мануйлов В. А.* Записки счастливого человека. С. 87.

¹⁴ Настя Косырева, домработница Ивановых, девушка из Саратовской губернии, из крестьянской семьи старообрядцев-бесполоповцев. Л. В. Иванова характеризует ее в «Воспоминаниях» (С. 109—110), а также в цитированном письме к Чеботаревской от 3 февраля 1923 г.: «...нам прислали с Зыха (предместье Баку. — *А. Л.*) очень славную девушку Настю, кот<орая> сейчас и живет у нас, стирала, убирает, ходит на базар и стирает все белье, кроме простынь и скатертей».

¹⁵ *Троцкий Сергей Витальевич* (1880—1942) — литератор-дилетант, знакомый Иванова с середины 1900-х гг. См.: *Троцкий С. В.* Воспоминания / Публ. А. В. Лаврова // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 41—87; *Альтман М. С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым. С. 177—181 (комментарий К. Ю. Лаппо-Данилевского); Письма С. В. Троцкого к Е. А. Миллиор / Предисловие А. В. Лаврова, подготовка текста и примечания Г. В. Мосалевой и Д. И. Черашней // Вестник Удмуртского университета. 1995. Специальный выпуск. С. 31—27. В цитированном выше письме к Чеботаревской от 3 февраля 1923 г. Л. В. Иванова сообщала: «Да, ты не знаешь еще самого главного. Сергей Витальевич Троцкий, бывший в Сухуме, приехал к нам и теперь, пока не сыщет работы, живет у нас. Он очень славный, хороший и уютный, уютный. От него пахнуло стариной, и Сударь (Иванов. — *А. Л.*) очень счастлив им и дружит». О пребывании Троцкого в Баку у Ивановых см. также: *Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце. С. 110—111; *Иванов Д. В.* Из воспоминаний // Вячеслав Иванов. Материалы и исследование. С. 42—43.

¹⁶ Подробнее о ходе своих занятий музыкальной композицией рассказала Чеботаревской Л. В. Иванова в том же, цитированном, письме: «То обстоятельство, что я летом так усердно занималась, меня очень подвинуло. За исключением маленьких дополнений, я фугу прошла и занимаюсь сейчас формами. Пишу рондо 4-го вида сейчас, и затем у меня остается рондо 5-го вида и соната, т. е. конец форм. Два раза выступала на ученич<еском> вечере и в 1-ый раз произвела большущее впечатление своей огромной фужищей с прелюдией. Впечатление в среде музыкантов, потому что публика ничего не поняла, конечно. Была даже очень хорошая для 1-го раза рецензия в газете. 2-ой раз было не так серьезно и не столь важно. Играла свое скерцо полшуточное. Прошло ничего».

¹⁷ Далее — приписка Л. В. Ивановой; в ней, в частности, сообщается: «Завтра играю на акте свою сонату и освобождаюсь от занятий зимнего сезона. Летом буду продолжать, чтобы ускорить окончание. Перешла на своб<одное> сочинение».

3 июля 1923 г. Баку

3. VII. 1923

Дорогая и любимая Кассандра,

Не знаю, что Вы предприняли вместе с Бородиным в целях снабжения меня и университета книгами по филологии из моей библиотеки. Пользуюсь настоящею okazjiей, чтобы переслать Вам это письмецо куда случится — то ли в Москву, то ли в Петроград, — и повторить свою просьбу о филологических книжках. Если бы существовала уверенность в надежности транспорта, — уверенность полная, безусловная, — то следовало бы, чего бы это ни стоило, отправить в Баку, если не все мои книги, то по крайней мере целый ящик книг по моей кафедре. Если библиотека уложена и в ящики заколочена, придется опять открыть их и выбрать. Ежели обо всем этом мечтать нельзя, то по крайней мере несколько книг нужно было бы послать, вверив их хотя бы на руки подателю сей записки.

Нам нужны «до зареза»:

Cauer, Grundfragen der Homer-Kritik.

Cagnat, Cours de l'épigraphie romaine.

Pindari Opera, ed. Deussen (или Carmina) с комментарием (переплетенный экземпляр).¹

Перечислять все нужные книги по филологии едва ли целесообразно, да и трудно всё вспомнить. Во всяком случае запрашиваю, по крайней мере, кроме упомянутого:

I) издания моих собств<енных> книг, очень нужные здесь (со включением латинской моей диссертации,² оттисков статей, статей об Эллин<ской> религ<ии> страд<ающего> бога;³ особенно важны оттиски о Гомере и о Гете⁴),

II) 1) коллекция книг в пергаменных переплетах по истории греч<еской> литературы (К. О. Müller, Bernhardy, Blass, <1 нрзб> Müller — Etrusk<er?>,⁵

2) издания класс<ических> авторов (париж<ские> издания в большом формате по-греч<ески> и латыни: Эврипида, Геродота, Ксенофонта, Полибия, Аристофана, Плавта и друг<ие>),

3) мелкие издания текстов греч<еских> и латин<ских> авторов, между прочими книжечки, как

Bruns. Fontes Juris Romani,

Mommsen. Monumentum An<ti>qui<ssimor>um⁶

и всю мелочь, но боясь рвани.

3) * Mommsen. Römisches Staatsrecht в 5 тт. без переплета,

Mommsen. Abriss des röm<ischen> Staatsrechts,

Lange. Röm<ische> Alterthümer,

Curtius. Griech<ische> Geschichte,

Mommsen. Röm<ische> Geschichte⁷

* Так в автографе.

и т. д. и т. д. и т. д.

Желательны: *Burckhardt. Kultur der Renaissance*,⁸

Iuvenal<is> в пергам<енном> переплете,

Илиада и *Одиссея*, изд. Bekker в пергам<енном> переплете.

Кстати, отберите *непрерывно*, наконец, у Ульянова⁹ редкие книжки в старинных переплетах, занесенные к нему, когда он писал мой портрет, для обстановки.

Всего припомнить и все назвать, конечно, не сумею. Все, одним словом, имеющее отношение к класс<ической> филологии, а также отчасти и к запад<ной> лит<ературе> (вроде книги Котляревск<ого> «Мировая Скорбь»,* англ<ийских> изданий Байрона и Шелли и т. п.), нужно; чтобы отобрать *без всякого сомнения* относящееся к *классической* филологии, — думаю, большой учености не требуется!

Весь вопрос в том, как переслать эти книги, нужные нам, как воздух, — не подвергая их никакому риску, ибо их ценность необыкновенна по нашим временам.

Если бы я знал, когда вы будете в Москве, Альтман из Киева заехал бы к Вам ради книг. Он ныне мой научный сотрудник, по блестящем окончании университета,¹¹ и всё бы сделал, чтобы получить книги.

Пока, до свидания, моя радость Александра Николаевна, —

Ваш Вяч. Иванов.

Вчера получил длинное стихотворное послание от Алексея Дмитр<иевича> Скалдина с пометой «Саратов. Тюрьма»¹² и уже писал дважды Луначарскому и один раз Каменеву.¹³ Помогите лицу, передавшему Вам эти строки, доставить мое письмо обоим (другое письмо Луначарскому послано через Наркомпрос) и похлопочите сама о нашем Алеше.

Что это? ошибка? недоразумение? или он восстал, б<ыть> м<ожет>, за религию? Недоумеваю. Из поэтич<еского> послания ничего не видно, кроме того, что он присужден к принудительным работам, что его камера в 6 шагов длины...

Адрес его:

Саратов, Нижняя ул., 91, кв. 1. Александру Матвеевичу Кожевникову — для передачи,

или:

Петербург, Плуталова ул., 2, кв. 1. Эльсбет Конст<антиновне> Скалдиной.¹⁴

Чудное издание Гофмана «Двойники», но, увы, значительно подпорченное опечатками, с благодарностью получил.¹⁵

* *Между строк* приписка карандашом (не рукой Иванова): Литер<атура> XIX в<ека> под ред<акцией> Батюшкова, Новейшая Русск<ая> Лит<ература> Венгерова.¹⁰

Лидия имела успехи, в газетах похвалили ее «большое дарование» — за новую сонату, которую она играла.¹⁶ Теперь пишет концерт для рояля с оркестром и изучает оркестр на репетициях симфонических вечеров, почему не рвется из Баку, а скорее, напротив, рада была бы остаться, потому что лето для ее работы очень важно. Возможно, однако, что решится поехать месяца на 1 1/2 во Владикавказ; куда зовут читать лекции и где дадут помещение, а доктора говорят, что Владикавказ прекрасная дача. — В эту минуту, когда спешу запечатывать письма, не могу доискаться написанного Вам Лидией письма, а ее самой дома нет, а дело спешное. Знаю только, что никаких указаний о вещах Эрнов дать не могла. Книжки Володи напрасно возвращаете, — разумеется, философские. Довольно бы только *Vita Nuova* Жени и другое.¹⁷ Эти книги лучше бы переслать с моими в наш университет, где они нужны, а так — они все равно что уничтожаются. В книгах я как бы коммунист. Есть фотографии в рамках Эрновы, они висели в столовой.

Ну, да все равно, всего не напишешь и не припомнишь. Тоскую о дорогих вещах своих.

Вячеслав.

Нам здесь очень нужны фотографии — снимки с шедевров искусства, итальянские коллекции и пр. И вообще все мои книги и издания по искусству. Нужен Пушкин Венгерова,¹⁸ нужен Куно Фишер (История философии),¹⁹ нужны диссертации разные филологические и философские.²⁰

¹ Среди бумаг Чеботаревской сохранилась датированная 24-м июля 1923 г. «расписка Ивана Андреевича Катагощина о получении от Ал. Н. Чеботаревской четырех книг для передачи проф. Вяч. Иванову: 1) *Caver Paul. Grundfragen der Homerkritik. Leipzig, 1909*, в переплете; 2) *Cagnat René. Cours d'épigraphie latine. Paris, 1890*, в переплете; 3) и 4) *Pindari Carmina et fragmenta Graece, t. I и II без переплетов. Lipsiae, MDCCCXI*» (РО ИРЛИ, ф. 189, № 24, л. 31). Перечень изданий, необходимых для работы в Бакинском университете, Иванов приводит также в письме к С. Ф. Ольденбургу от 6 июля 1922 г. (Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 254. Публикация Г. Бонгард-Левина).

² Диссертация Иванова на латинском языке «Общества государственных откупов в римской республике», завершенная им в конце 1895 г. (см.: *Wachtel M. Вячеслав Иванов — студент Берлинского университета // Cahiers du monde russe. 1994. Vol. 35 (1—2). P. 353—376. (Un maître de sagesse au XX siècle. Vjačeslav Ivanov et son temps)*), была опубликована как приложение к тому 6 «Записок Классического отделения Императорского Археологического общества» (СПб., 1910): «*De societatibus vectigalium publicorum populi romani*» (*Ex actis Societatis Archaeologicae, vol. VI. Petropoli, 1910*).

³ См. прим. 9 к п. 18.

⁴ Статьи Иванова «Эпос Гомера» (см. прим. 5 к п. 10) и «Гете на рубеже двух столетий» (в кн.: *История западной литературы (1800—1910) / Под ред. Ф. Д. Батюшкова. М., 1912. Т. 1. С. 112—156*).

⁵ Имеются в виду книги: *Müller Karl Otfried. Geschichte der griechischen Literatur bis auf das Zeitalter Alexanders. Bd. 1—2. Breslau, 1857, 3 Aufl. — Stuttgart, 1875; Bernhardt Gottfried. Grundriss der griechischen Litteratur. Halle, 1836, 5 Aufl. — Halle, 1892*; вероятно, также: *Müller Karl Otfried. Die Etrusker. Stuttgart, 1877*. Какое именно из многочисленных исследований немецкого филолога Фридриха Вильгельма Бласса (Blass; 1843—1907) здесь подразумевается, неясно.

⁶ *Bruns Karl Georg. Fontes juris Romani antiqui. Tubingae, 1860; Chronica minora saec. IV. V. VI. VII / Ed. Theodorus Mommsen. Berolini, 1892—1898. 3 vol. (Monu-*

menta Germaniae historica... edidit Societas aperiendis fontibus rerum germanicum medii aevi. Auctorum antiquissimorum tomus 9, 11, 13).

⁷ Mommsen Theodor. Römisches Staatsrecht. 3 Aufl. — 1887; Mommsen Theodor. Abriss des römischen Staatsrechts. Leipzig, 1907; Lange Christian Conrad Ludvig. Römische Alterthümer. Bd. 1—3. Berlin, 1856—1871; 3 Aufl., Bd. 1—3. Berlin; Leipzig, 1876—1879; Curtius Ernst. Griechische Geschichte. Bd. 1—3. Berlin, 1857—1867; 3 Aufl. — 1868—1874; Mommsen Theodor. Römische Geschichte. Bd. 1—3. Berlin, 1856—1857; 8 Aufl. — Bd. 1—5. Berlin, 1888—1894.

⁸ Burckhardt J. Die Kultur der Renaissance in Italien. 1860; 2 Aufl. — 1869.

⁹ Ульянов Николай Павлович (1875—1949) — живописец и график; в 1920 г. написал портрет Иванова, известный также в предвзятых карандашных вариантах (см.: Иванов Вяч. Стихотворения. Поэмы. Трагедия. СПб., 1995. Кн. 2. Илл. 14 («Новая Библиотека поэта»); Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана. Аннотированный каталог. Публикации. М., 1989. С. 391; Из дарственных надписей В. И. Иванова / Публ. И. В. Корецкой // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. С. 145—147).

¹⁰ Имеются в виду издания: исследование Н. А. Котляревского «Мировая скорбь в конце прошлого и в начале нашего века. Ее основные этические и социальные мотивы и их отражение в художественном творчестве» (СПб., 1898; 3-е изд. — СПб., 1914), «История западной литературы» (Т. 1—4. М., 1912—1917) под редакцией Федора Дмитриевича Батюшкова (1857—1920), «Русская литература XX века (1890—1910)» (т. 1—3 (Вып. 1—8). М., 1914—1918) под редакцией Семена Афанасьевича Венгерова (1855—1920).

¹¹ Альтман Моисей Семенович (1896—1986) — филолог-классик, литературовед, поэт; ученик Иванова по Бакинскому университету, оставивший развернутые записки бесед с ним (см.: Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым / Составление и подготовка текстов В. А. Дымшица и К. Ю. Лаппо-Данилевского: Статья и комментарии К. Ю. Лаппо-Данилевского. СПб., 1995). 16 июня 1924 г. Иванов писал о нем в рекомендательном письме к В. М. Жирмунскому: «М. С. Альтман блестяще окончил курс словесного отделения в 1923 г. и защищал в установленном colloquium'e работу «Дремлющие мифы в „Илиаде“ Гомера» <...>. Исследование было самостоятельно, остроумно, талантливо и основано на хорошем знании Гомера. Оставлен при университете был он по моему предложению и при моей кафедре, хотя, собственно говоря, он не классик по своей специальности, а желал бы специально сосредоточиться на поэтике» (Там же. С. 284).

¹² Текст этого послания не выявлен. А. Д. Скалдин, занимавший в Саратовском государственном университете, связанных с культурно-охранительной и культурно-организационной деятельностью, был арестован после опубликования 12 ноября 1922 г. в «Саратовских известиях» направленной против него статьи «Скалдиновщина». Подробнее см.: Царькова Т. С. «Скалдиновщина» (Саратовский период жизни А. Д. Скалдина) // Лица. Биографический альманах. М.; СПб., 1994. Вып. 5. С. 460—486.

¹³ Камелев Лев Борисович (наст. фам. Розенфельд; 1883—1936); с 1922 г. занимал пост заместителя председателя Совета Народных Комиссаров.

¹⁴ В результате хлопот и благодаря вмешательству Луначарского Скалдин, приговоренный к 3 годам изоляции, был освобожден 27 августа 1923 г. (см.: Царькова Т. С. «Скалдиновщина». С. 468).

¹⁵ Имеется в виду издание: Гофман Эрст Теодор Амедей. Двойники / Перевод Вячеслава Иванова; Рисунки А. Я. Головина. <Пг.>: Петрополис, 1922. Вышло в свет к 100-летию со дня смерти Гофмана.

¹⁶ См. п. 18, прим. 16, 17.

¹⁷ Речь идет о книгах, принадлежавших покойному ближайшему другу Иванова, философу и публицисту Владимиру Францевичу Эрну (1881—1917) и его жене, пианистке Евгении Давыдовне Эрн (урожд. Векиловой; 1886—1972). «Vita Nuova» — издание в итальянском подлиннике «Новой Жизни» Данте.

¹⁸ Собрание сочинений Пушкина / Под ред. С. А. Венгерова. СПб.: Изд. Брокгауз—Ефрон, 1907—1915. Т. 1—6; в серии «Библиотека великих писателей».

¹⁹ Фишер Кун (Fischer; 1824—1907) — немецкий историк философии, гегельянец; автор многотомной «Истории новой философии» (1852—1877), изданной в русском переводе (Т. 1—8. СПб., 1901—1909).

²⁰ Возможно, Чеботаревской также была адресована недатированная записка Иванова, сохранившаяся среди его бумаг (РО ИРЛИ, ф. 607, № 223, л. 652—652 об.); в ней перечислялись требующиеся ему книги и рукописные материалы, не-

которые — с указанием предполагаемого местонахождения в шкафах и на полках библиотеки: «рукописи *Сель против Фив* и *Умоляющие*» (выполненные Ивановым переводы трагедий Эсхила), издание Эсхила, «Греческая литература» Круазе (*Croiset Alfred. Histoire de la littérature grecque. Paris, 1887—1899. Т. 1—5*), журнал «Московский телеграф» 1830-х гг., книги В. Ф. Эрнэ «Розмини и его теория знания» (М., 1914) и «Философия Джоберти» (М., 1916) и ряд других изданий.

20

21 октября 1924 г. Рим

Roma, 172 via Quattro Fontane, 3° p. (presso Placidi).¹
21/X. 1924.

Дорогая Александра Николаевна.

Вот, наконец, долгая переходная пора пришла к концу, и жизнь приняла устойчивые формы повседневности: можно очертить наш новый «быт».² Пишу в своей комнатке у окна, глядя на золотое солнце, заходящее за башней Монте-Читорио. Рядом комнатка Лидии и Димы: он в этот час во французской школе (Lycée Chateaubriand),³ точнее — в пансионе при школе, ибо, записанный как *demi-pensionnaire*,⁴ он, во внеурочные часы, от 12 до 2 1/2 и от 4 до 7, завтракает, играет и готовит *ses devoirs*⁵ в *Convitto Chateaubriand*, и лишь после 7 ч. воссоединяется с нами. Школа вполне *laïque*,⁶ субсидируется франц<узским> правительством, и бакалавреаты сдаются при ней под наблюдением Гренобльского университета; в то же время ее директор — *Monseigneur Dumaz*,⁴ и *sous la tutèle des Frères de S-t Gabriel*.⁷ Последний находится подле дивного парка виллы Боргезе, под пиниями которого ученики бегают, играют в футбол и в солдаты, тогда как воспитатели мирно за ними наблюдают. Что касается Лидии, она бряцает в третьей, передней нашей комнатке, через которую проходишь в две прежде названные, на привезенном сегодня довольно стареньком рояле, но все же рояле, согласно ее желанию, а не пианино. У нас очень тесно, но, как нам кажется, и очень уютно. Лидия имела решительный успех у *maestro Respighi* (кстати сказать, говорящего немного по-русски, в качестве ученика Римского-Корсакова).⁵ Этот композитор (на которого нам еще в Москве указывали и Гольденвейзер, и Гнесин, и Сабанеев⁶) слушал все ее композиции, хвалил особенно ее сонату и «Похоронную Песню», признал все ее сочинения очень интересными и дарование несомненным, — прибавляя, что «гордиться (*essere superba*) еще не следует, а нужно работать», и принял ее без экзамена (даже по фуге, который вообще обязателен и строго производится в двухдневном заключении под стражей) на класс квартета в Академию св. Цецилии (гос<ударственная> консерватория), ректором коей он состоит.⁷ Что, наконец, до меня, я уже

¹ полупансионер; получающий половинный пансион (*франц.*).

² свои задания (*франц.*).

³ светская (*франц.*).

⁴ под покровительством братьев св. Гавриила (*франц.*).

устроился по обычаю в Германском Археологическом Институте и в sala riservata^a Национальной библиотеки, где есть все, что мне нужно, и откуда можно брать книги и на дом.⁸ Впрочем, заботы об устройстве жизни, переписка, визиты в посольство и направляемые через него отчеты в НКП,⁹ а также столь знакомое и родное, но опять для меня новое великолепие Рима еще не позволяли мне до сих пор окончательно вработаться в свою любимую работу. Все было бы хорошо, если бы темные заботы о материальном обеспечении не проходили по душе теньями и под этим весенним (в октябре) римским небом. Жду обещанного из НКП¹⁰ и должного из Баку. Думаю, что получу что-нибудь и за проданную мебель. Но, быть может, Вы не получили до сих пор ничего из Баку, и большая часть выручки пошла на покрытие моего долга? Плохо, что приемлемые для меня берлинские издательства закрылись. Максим Горький, который пишет мне милые письма из Сорренто, взял для «Беседы» мои стихи,¹¹ но от оперетки отказался.* «Мне кажется», пишет он, «что я не плохо понимаю вашу роль в ист<ории> рус<ской> поэзии и литературы, — роль мастера, учителя, вождя. Способствуя опубликованию этой вашей шутки, я окажу Вам плохую услугу. В эти мрачные дни, когда все так зло оскалили зубы и рычат друг на друга, некоторые из литераторов не преминут броситься на Вас со всею силой своего злорадства. Вот соображения, которые понудили меня отказаться от оперетки. Возможно, разумеется, что они неуместны: Вы слишком крупное имя и отвечаете сам за себя. Так, — но все-таки мне что-то мешало, и это „что-то“, мне кажется, не должно обидеть Вас, ибо оно возникло из пиетета к Вам...»¹³

Вчера из частного письма узнал я о смерти Валерия. Известие было для меня совершенно неожиданно, я не предвидел скорого конца, — и потрясло меня глубоко.¹⁴

Как живете Вы, дорогая, что имеете в виду? Напишите скорее по точному адресу. Спасибо Вам от всего сердца за Ваши последние московские подвижничества. Привет Федору Кузьмичу, если он еще не в Батуме,¹⁵ милому Алеше Скалдину, Лидии Александровне,¹⁶ коли она опять у вас. Пишите. Писать буду, обещаюсь и обяжусь. Неизменно близкий Вам

Вяч. Иванов.

Живем мы на живописнейшей и самой коренной римской улице, где Квиринал склоняется, чтобы тотчас образовать подъем на Монте-Пинчио, в самом старозаветном римском доме, в старозаветных комнатах, ничем не защищаемых от зимы, кроме как свободно входящим в них солнцем, у некоей вдовы адвоката Plácidí, исконной римлянки, с юным и хороше́ншим сыном, состоящим в почетной гвардии у Муссолини.¹⁷ Последний обитает в соседнем «palazzo» (т. е. большом доме). Вдова нам готовит римскую кухню. Дима принарядился, причесался и подтянулся. Его правая рука обтянута перчаткой.¹⁸ С увлечением осматривает и изучает руины и музеи. Очень по-

^a отдельном зале (итал.).

* Далее зачеркнуто: «из пиетета» ко мне, как он выражается.¹²

чувствовал Венецию, — меньше Флоренцию. Рим предпочитает всему увиденному. Говорит на чужих языках так, как пушкинский гусь учится ходить по льду...¹⁹ Посольство удерживает меня от сношений с видными итальянцами, желая наладить их само... Сажу у моря и жду погоды... Увлекаюсь римскими фонтанами, и мы живем сами близ фонтана Тритона и на улице четырех фонтанов.

Ваш В. И.

¹ Иванов с дочерью и сыном выехал из Москвы в Италию 28 августа 1924 г.; маршрут проходил через Ригу, Берлин, Мюнхен, Венецию, Флоренцию. По сообщению Л. В. Ивановой (в письме к Е. А. Эрн от 24 октября 1924 г.), они прибыли в Рим «14 сент-ября» после трехнедельного путешествия и после трехмесячных хлопот» (цит. по: *Котрелев Н.* Из переписки Вяч. Иванова с Максимом Горьким. К истории журнала «Беседа» // *Euroora orientalis*. 1995. Vol. 14 (2). С. 183). По приезде в Рим Ивановы сначала остановились в пансионе Рубекс, по указанному адресу поселились несколько дней спустя.

² Ср. подробные описания жизни в квартире синьоры Плачиди в «Воспоминаниях» Л. Ивановой (с. 132—138). 8 октября 1924 г. Л. В. Иванова писала Чеботаревской: «Дом наш стоит в хорошей центральной местности уже не знаю сколько веков, только он весь старый, престарый, лестница в нем узкая и, как здесь полагают, мраморная, ступеньки по крутизне и величине отдаленно напоминают ступени Хеопсовой пирамиды, квартира на 4 1/2 этаже, окна нашей комнаты выходят на двор, на который выходят также напротив нас окна кухни Муссолини, т<ак> что мы имеем честь наблюдать за ихним поваром, мебель в нашей квартире такая, что если чуть попереться, то ломается (город здесь древний и все в нем древнее), по квартире ходит огромный белый кот по имени „Чип“ и понимает исключительно только итальянскую речь» (РО ИРЛИ, ф. 189, № 95).

³ Л. Иванова сообщила Чеботаревской в цитированном письме: «Диму записали во французскую гимназию Lycée Chateaubriand. Занятия еще не начались там (с 15 окт-ября>). Сегодня ведем его представить только что приехавшему с дачи директору, и у него, Димы, душа в пятках по этому случаю, еще со вчерашнего дня».

⁴ О государственном французском лицее имени Шатобриана в Риме и о его директоре, французском прелате монсеньоре Шарле Дюма см. в воспоминаниях Д. В. Ивановой (Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. С. 50—53), а также: *Обер Р., Гфеллер У.* Беседы с Димитрием Вячеславовичем Ивановым. СПб., 1999. С. 60—61.

⁵ *Рестиги Отторино* (1879—1936) — итальянский композитор; профессор Национальной академии Санта Чечилия в Риме. «Он ездил два раза в Петербург, учился у Римского-Корсакова и одновременно работал в императорском оперном театре, где получил по конкурсу место альта-солиста» (*Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце. С. 142).

⁶ *Сабанеев Леонид Леонидович* (1881—1968) — музыкальный критик и композитор.

⁷ В цитированном письме к Чеботаревской Л. В. Иванова извещала: «Вчера решила также и моя судьба окончательно — это было мое вторичное свидание с Respighi — директором консерватории при академии св. Цецилии в Риме, тот самый композитор, которого мне рекомендовали столь многие музыканты различных направлений в Москве. При первом свидании я ему отдала свои композиции для осмотра. Вчера я их получила обратно, играла ему, он пустил очень лестные отзывы об них и сказал, что так как он заинтересован иметь меня своей ученицей, то постарается избавить меня от всех экзаменов при вступлении <...> на основании свидетельства бакинской консерватории, что я эти экзамены уже сдала <...>. Это сделать ему удалось, и я принята на предпоследний курс на т<ак> называемый <квартет>, т. е. как раз что мне нужно. <...> Занятия начнутся только в ноябре. А что самое замечательное, что я в качестве иностранки избавлена совершенно от платы — таково правило во всех высших итальянских уч<ебных> заведениях, в целях распространения итальянской культуры». См. также: *Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце. С. 142—148.

⁸ В том же письме Л. В. Иванова сообщала Чеботаревской: «Пуфи (Иванов. — А. Л.) начал свои библиотечные занятия, даже ходит 2 раза в день: утром в Наци-

ональную библиотеку», а вечером в немецкий археологический институт». 21 октября 1924 г. Иванов писал П. С. Когану: «...я сижу, тишайшим образом, в нанятых мною меблированных комнатах, посещаю для своих научных целей Германский Археологический Институт и Biblioteca Nazionale и, ничем не заявляя о своем скромном существовании, наслаждаюсь втихомолку солнцем, кипарисами, фонтанами и всем великолепием вечного города <...>» (опубликовано Робертом Бёрдом: Новое литературное обозрение. 1999. № 40. С. 319).

⁹ Народный Комиссариат по Просвещению. Отчеты были связаны с неосуществленным проектом основания в Риме Русской академии — Института археологии, истории и искусствования; руководителем этого учреждения должен был стать Иванов. См.: *Шишкин А.* Вячеслав Иванов и Италия // Русско-итальянский архив / Составители Даниэла Рицци и Андрей Шишкин. Trento, 1997. С. 517—520. Там же (с. 549—557) опубликованы три докладные записки Иванова А. В. Луначарскому (от 22 сентября, 29 сентября и 6 октября 1924 г.) и письмо Луначарского Иванову (от 13 февраля 1925 г.), связанные с проектом Русской академии.

¹⁰ Подразумеваются денежные субсидии, связанные с основанием Русской академии. В цитированном письме к Чеботаревской Л. В. Иванова сообщала об Иванове: «Вопрос о его институте подвигается плохо, здесь встречаются масса препон, впрочем, все зависит, конечно, от Москвы, а оттуда еще не было ответа на его послания к Анатоллию Васильевичу. По этому случаю наши финансы висят между небом и землей, что значительно отравляет существование и грозит необходимостью возвращаться, не прожив данного нам срока годового».

¹¹ В журнале «Беседа», издававшемся в Берлине в 1923—1925 гг. при ближайшем участии М. Горького, стихи Вяч. Иванова не появились. Для публикации был представлен цикл сонетов «De profundis amavi»; 19 октября 1924 г. Горький сообщил Иванову: «Стихи Ваши получил, отправляю в редакцию: 6-я книга „Беседы“ набирается» (*Котрелев Н.* Из переписки Вяч. Иванова с Максимом Горьким. К истории журнала «Беседа». С. 191), — однако в следующем письме к Иванову, от 2 ноября 1924 г., просил заменить их другими, памятуя о том, что в Советской России (где он надеялся распространять «Беседу») «одиозно относятся <...> к Богу и религии» (Там же). После этого Иванов выслал Горькому для «Беседы» «Римские сонеты» (под первоначальным заглавием «Ave Roma»), цикл был высоко оценен Горьким и принят к публикации, но не мог быть включен в уже сверстанную книгу журнала, которая оказалась последней. См. также комментарий Джона Малмстада в его публикации «Из переписки В. Ф. Ходасевича (1925—1938)» (Инувшеве. Исторический альманах. Paris, 1987. Вып. 3. С. 266—268).

¹² Имеется в виду оперетта (или, по определению автора, «музыкальная трагикомедия») в трех актах «Любовь мираж?», написанная Ивановым в Баку на сюжет драмы А. И. Косоротова «Мечта любви» (1912). Об обстоятельствах ее написания сообщает Л. В. Иванов, она же приводит и отдельные фрагменты по рукописи (*Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце. С. 114—119). Текст произведения хранится в Москве (РГАЛИ, ф. 130, оп. 1, № 100) и в Римском архиве Иванова. Ария из оперетты опубликована в кн.: *Гаспаров М. Л.* Русские стихи 1890-х—1925-го годов в комментариях. М., 1993. С. 195—196. Для публикации в «Беседе» Иванов предложил оперетту в письме к Горькому от 25 сентября 1924 г. и, получив предварительное согласие, выслал ему текст в начале октября. Подробнее см.: *Котрелев Н.* Из переписки Вяч. Иванова с Максимом Горьким. К истории журнала «Беседа». С. 186—194.

¹³ Фрагменты из письма к Иванову от 19 октября 1924 г.; в полном объеме опубликовано Н. Котрелевым (Там же. С. 190—191). «Быть может, правы были Вы и в своем нежелании напечатать оперетку, — отвечал Иванов Горькому 25 ноября 1924 г. — Вам многое виднее, чем мне. Я лично смотрю на нее другими глазами и, в частности, весьма доволен ее стихом. Но появление ее в печати, в самом деле, могло бы вызвать кривые толки и злобное шипенье. То, что Вы писали, предостерегая меня, глубоко меня тронуло: это был голос истинного доброжелательства. А указанные Вами мотивы Вашей особенной взыскательности и, признаюсь, неожиданное для меня общее суждение о моей литературной деятельности — во много раз для меня ценнее, чем устройство моей пьесы-шутки в Вашем журнале» (Там же. С. 193). О взаимоотношениях Горького и Иванова в 1920-е гг., во время их пребывания в Италии, см. также: *Корецкая И. В.* Горький и Вячеслав Иванов // Горький и его эпоха. Исследования и материалы. М., 1989. Вып. 1. С. 178—182; *Корецкая И.* Вячеслав Иванов и Максим Горький // Vjačeslav Ivanov: Russischer Dichter —

europäischer Kulturphilosoph. Beiträge des IV. Internationalen Vjačeslav-Ivanov-Symposiums / Hrsg. von Wilfried Potthoff. Heidelberg, 1993. S. 256—260.

¹⁴ Валерий Яковлевич Брюсов скончался в Москве 9 октября 1924 г. Известие об этом Иванов получил из письма О. А. Шор от 9 октября 1924 г.: «„Брюсов умер“. — Сейчас сообщили. Скончался сегодня в 10 ч. утра. Разрушенные легкие не выдержали крупозного воспаления... Как хорошо, что перед смертью он вновь встретился с прежними друзьями. Ведь Вы посетили его в этот Ваш приезд; а с Белым он вместе в Крыму прожил последние недели. Странно: в прошлом году на своем юбилее Вал<ерий> Як<овлевич> возмущенно и грустно протестовал — „Что Вы говорите со мною, как с умершим? Я был когда-то символюстом, теперь я коммунист; я не умер, а перешел к новым формам реальной жизни“. — Кто-то это услышал тогда; теперь — символически ухмыльнулся...» (Римский архив Вяч. Иванова). Иванов откликнулся на весть о смерти письмом к вдове, И. М. Брюсовой, от 19 октября 1924 г., а 30 ноября, в ответ на полученный от нее «грустный рассказ», — восьмистишием памяти Брюсова, «современной молитвой» (см.: Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976. С. 544—545); то же восьмистишие Иванов занес 1 декабря 1924 г. в дневниковую запись, добавив к ней: «...Доломался, долгался, додурманился бедняга до макабрной пошлости „гражданских похорон“, с кварталом, казенными речами и почетной стражей „ответственных работников“...» (Иванов Вяч. Собр. соч. Брюссель, 1979. Т. 3. С. 851). Последнюю встречу Иванова с Брюсовым в его московской квартире в июне 1924 г., в ходе которой Иванов выразил свое резкое неприятие творчества и литературной позиции Брюсова советского времени, описал ее свидетель В. А. Мануйлов (см.: Мануйлов В. А. Записки счастливого человека. С. 99—100); несколькими месяцами ранее, однако, в связи с 50-летием со дня рождения Брюсова, Иванов напечатал приуроченный к юбилею очерк «Валерий Брюсов» в газете «Бакинский рабочий» (1923. № 292, 25 декабря; републикован Феликсом Балоновым, см.: Русская мысль. 1999. 28 января—3 февраля, № 4255. С. 12; 4—10 февраля, № 4256. С. 12).

¹⁵ Имеется в виду Ф. Сологуб; о его взаимоотношениях с Ивановым см. в нашей публикации писем Иванова к Сологубу и Анастасии Чеботаревской (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976. С. 136—150). Предполагавшаяся (как видно из текста письма) поездка Сологуба в Батум не состоялась.

¹⁶ Гуляева Лидия Александровна — дочь профессора (впоследствии — ректора) Бакинского университета, философа и историка-классика Александра Дмитриевича Гуляева. В Баку семья Гуляевых жила по соседству с Ивановыми, они постоянно дружески общались. Л. А. Гуляева переехала в Ленинград еще до отъезда Иванова из Баку (см.: Миллиор Е. А. Беседы философские и не философские // Вестник Удмуртского университета. 1995. Специальный выпуск. С. 13).

¹⁷ Марио Плачиди входил в число «мушкетеров» Муссолини — 50-ти юношей-добровольцев, составлявших его личную гвардию. См.: Иванова Л. Воспоминания. Книга об отце. С. 136.

¹⁸ Последствие травмы, перенесенной в Баку. См. дневниковую запись М. С. Альтмана от 5 июня 1922 г. (Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым. С. 256), а также «Из воспоминаний» Д. В. Иванова (Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. С. 40—41).

¹⁹ Подразумеваются строки из «Евгения Онегина» (гл. 4, строфа XLII):

На красных лапках гусь тяжелый,
Задумав плыть по лону вод,
Ступает бережно на лед,
Скользит и падает <...>

21

27 января 1925 г. Рим¹

Рим, 27 янв. 1925.

Ах, как стыдно нам, дорогая и любимая Кассандра, что все добрые и даже деловые намерения наши остались одними намере-

ниями и написать никто не удосужился ни тотчас по получении денег,² ни к новому году. Если глубокое раскаяние беспутных Вас трогает и грех отпущен долготерпением Вашим, примите, прежде всего, запоздалые новогодние пожелания лучшего здоровья и большей радости и всех желанных благ души и тела, а потом и глубокую благодарность за то, что выручили нуждающихся в утеснении и туге велией, выслав мебельные деньги, сто рублей. Вы сделали даже больше, пробудив в их сердцах некие надежды, — подобно Прометею, который ставит себе во всяком случае в заслугу пробуждение в сердце людей даже слепых и обманчивых надежд, отгоняющих уныние и питающих бодрость стремлений. В самом деле, Вы сделали кому-то какие-то «предложения» и ждете каких-то «ответов», и «вышлите, быть может, еще сто, полтора ста рублей»...?!...³ И в другом письме указываете Вы, что высылать разрешается не больше 100 р. в момент...⁴ Да если бы возможно было воспользоваться таким разрешением, мы были бы самыми веселыми и довольными из всех невинных детей Божьего мира... Но все это кажется нам Прометеевым утешением. Ближе к делу! «Если я получу еще Ваших денег, выслать ли Вам?» — Ну, еще бы! Sancta simplicitas!^a Вопрос капиталиста: не желает ли пролетарий отказаться от заработной платы на предмет непосредственной передачи таковой в сберегательную кассу!.. Далее: «Слышала из каких-то книжных сфер, что вы списались и условились относительно перевода Данта!»⁵ О, если бы так! Действительно, писал я Перельману, напоминая ему о подписанном мною и издательством Брокгауз—Эфрон в 1920 г. договоре о Данте и о взятом мною авансе и предлагая высылать регулярно песнь за песнью Божественной Комедии с тем, чтобы плата мне также регулярно высылалась, — но на это мое письмо не получил я никакого ответа.⁶ Между тем мне было бы крайне желательно вести эту очаровательную и важную работу здесь и создать себе тем правильнейший заработок; но видно, теперь в России нет возможности приняться за это дело и оно по нашим временам не на очереди спроса. Это очень жаль.⁷ Здесь познакомился я со многими итальянскими литераторами, обо мне думают, что я *перевел* «Чистилище», и я должен опровергать это мнение, возникшее, может быть, из неверного сообщения в новой «Geschichte der russischen Litteratur» Лутера.⁸ Не нашли ли бы Вы возможности двинуть это дело (впрочем, безнадежное), поговорив лично с Перельманом и другими издателями? Не испугался ли Перельман моему просьбы оплачивать перевод по 50 к. за стих и не взysкивать покамест уплаченного не очень большого аванса? Я бы пошел на уступки, чтобы гарантировать себе этот заказ, который был для дела как раз вовремя, ибо здесь все располагает к нему и стихи писать я хочу, доказательством чему служат 9 сонетов о Риме, данные в «Беседу» Горького — увы, по 30 к. за строку, потому что здесь больше не платят.⁹ — Далее, совет Ваш перевести какой-нибудь социальный роман¹⁰ немедленно был принят нами к исполнению, из чего Вы видите, как деньги нужны.

^a Святая простота! (лат.).

А именно, я просил известного Преццолини (из знаменитой плеяды *La Voce*),¹¹ с коим дружу, указать мне соответствующую книжку, и он тотчас и без колебаний передал мне роман *Mario Sobrero* под заглавием «*Pietro e Paolo*»,¹² как работу если и не высоко-художественную, то во всяком случае художественно вполне удовлетворительную, и весьма живо, драматично и правдиво изображающую италийских рабочих-коммунистов и их революционную попытку, задушенную фашизмом. Лидия незамедлительно прочла книжку, которая кажется написанной приверженцем коммунизма (хотя автор хочет быть только объективным и нейтральным) — столь страстен ее тон; кажется, что Преццолини совершенно прав, и книга как раз должна удовлетворить требования русских издательств. Я начал переводить ее (Лидия совершенно некогда, она занята по горло, да и прихварывает), только труд этот мне непривычен и не привлекателен. Если бы я знал наперед, что перевод возьмут, тем не менее дело было бы сделано. Пишется перевод довольно быстро; флорентинской кропотливости я при этом не проявляю. Конечно, нужно было бы тотчас выслать книжку на просмотр, но она не моя, покупать экземпляр не хочется, и времени возьмет эта высылка много. Поэтому не лучше ли условиться заочно? Я прибавил бы несколько строк введения, где указал бы на историческую подлинность рассказа: это страница из недавнего прошлого Италии, которое остается ее настоящим, ибо рабочее движение очень живо. Если бы нужно было в конце книги что-нибудь устранить и изменить, сделать это возможно. Итак, справьтесь, пожалуйста, и запишите книгу на меня и спешно уведомяте, чтобы я мог спокойно работать, без риска, что трачу время и труд попусту. А своих сил и часов мне жалко.

Получил я приглашение прочесть в почетном месте по-итальянски лекцию о греческой трагедии и ее значении для современности, в марте месяце, и согласился; но такие выступления здесь денежно не оправдываются. — Скоро должна выйти в Германии моя книжечка «*Dostoyewsky als tragischer Dichter*» (второй и исправленный перевод статьи «Д<остоевский> и роман-трагедия»),¹³ за которую приходится мне 100 марок; м<ожет> б<ыть>, будет и продолжение. — В университете читать можно, но в качестве иностранца — без вознаграждения от государства (нештатно), а студенческий гонорар ничтожен. Я об этом не думаю. — Зелинский пишет о моей книге «Дионис и прадионисийство» латинский (!) отчет, но, увы, для варшавского филологического журнала «*Eos*», который мало распространен.¹⁴ Ожидаются отчеты о книге и здесь. На перевод ее пока видов нет. Все интеллигенты на всем западе умирают с голода. Издательства ничего не платят, толстые журналы (специальные и неспециальные, иностранные) также, или почти ничего. За перевод книги платят так мало, что никто не берется за работу. — Впрочем, я как-то ослабел практической волей, и мало пишу и хлопочу, — руки отымаются. — В Баку, должно быть, не вернусь,¹⁵ потому что детям необходимо продолжать их дело здесь, — ведь это очевидно как для Лидии, так и для Димы, который учится привольно и плодотворно, — а покинуть их и одному читать лекции в Баку, коих, после реорганизации факультета в педфак, будет мало,

не расчет.* Окончательные решения однако не приняты. Все надеюсь на то, что денежный вопрос как-нибудь решится в благоприятном смысле. — Только что видел рецензию на «Pietro e Paolo» в журнале «Leonardo». Книга имеет успех; рецензент рассматривает ее как «историческую хронику» так называемого «большевистского (bolscévico)» движения в Италии.

От Алеши имел я письмо из Сибири.¹⁶ Велите Альтману написать мне.¹⁷ Лидия Александровне передайте мой нежный дружеский привет. — Лидия хорошо работает. Сегодня как раз ее maestro опять очень хвалил ее новую музыку. С меня офортист Бренсон делает портрет.^{18**}

Прерван, и должен или откладывать письмо, или кончать. Поэтому спешно обнимаю вас от всего сердца и благодарю — от себя и своих.

Ваш Вяч. Иванов.

Простите небрежность, неразборчивость и описки этого послания.

Будем писать друг другу чаще!

Если сама признаете, что здоровье зависит существенно от Вас самой,¹⁹ — будьте же здоровы (как императив!). —

¹ Ответ на письма Чеботаревской из Ленинграда от 4 ноября 1924 г. и 4 января 1925 г., хранящиеся в Римском архиве Вяч. Иванова.

² Подразумеваются денежные суммы, вырученные Чеботаревской от продажи мебели, принадлежавшей Иванову.

³ Обыгрываются фразы письма Чеботаревской от 4 ноября 1924 г.: «Узнав из письма Лилиньки (Л. В. Иванова. — А. Л.), что ваши финансы висят в воздухе, я еще кое-кому написала разные вопросы и предложения (не беспокойтесь, ничего неблагоприятного и неосторожного не сделаю!) и жду на них ответов. По получении уведомялю подробно. И вышло еще, б<ыть> м<ожет>, сто, полтора руб.»

⁴ Ср. в письме Чеботаревской от 4 января 1925 г.: «Беспокоит меня вопрос о финансах ваших. Удалось ли как-нибудь его урегулировать? Если я получу еще Ваших денег, выслать ли Вам? По правилам Госбанка на одно лицо и на один адрес можно посылать из России за границу до ста руб. в месяц — это норма». В архиве Чеботаревской сохранились копии ее заявлений в Госбанк от 5 и 12 ноября 1924 г. с ходатайством о денежном переводе Иванову в Рим (РО ИРЛИ, ф. 189, № 25).

⁵ Цитата из письма Чеботаревской от 4 января 1925 г.; опущена заключающая эту тему фраза Чеботаревской: «Вот будет-то праздник, когда вы его переведете!»

⁶ *Перельман Арон Филиппович* — заведующий издательством Брокгауз—Ефрон, действовавшим в Петербурге—Ленинграде в 1889—1930 гг. Предложение участвовать в новом переводе «Божественной Комедии» для этого издательства Иванов получил от С. А. Венгерова (письмо от 3 сентября 1919 г.; опубликовано О. А. Кузнецовой в кн.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 99—100); согласно подписанному Ивановым 14 мая 1920 г. договору с издательством Брокгауз—Ефрон, он должен был к концу 1923 г. представить перевод «Божественной Комедии» в двух вариантах, прозаическом и стихотворном. См.:

* Если бы я был профессором в Петербурге, стоило бы еще приехать одному, но кто поручится, что весной смогу поехать опять на Запад — да и заработок ничтожен. (*Примечание Иванова*).

** *Далее в автографе — зигзагообразные линии.*

Davidson Pamela. The poetic imagination of Vyacheslav Ivanov: a Russian Symbolist's perception of Dante. Cambridge University Press, 1989. P. 262—263. Из письма С. А. Венгерова к Брюсову от 5 июля 1920 г. следует, что перевод «Божественной Комедии» для задуманного издания предполагалось разделить между Брюсовым и Ивановым (Зарубежная поэзия в переводах Валерия Брюсова. М., 1994. С. 814 — комментарий С. И. Гиндина).

⁷ Ср. свидетельство И. Н. Голенищева-Кутузова: «Как мне говорил Вячеслав Иванов во время наших бесед в Риме, между поэтами-символистами в начале XX в. было договорено, что „Божественную Комедию“ они переведут коллективно: Брюсов — „Ад“, а Иванов — „Чистилище“ и „Рай“. План этот оказался не до конца осуществленным. От Брюсова осталась только I песнь „Ада“, впервые увидевшая свет лишь в 1955 г., и начало III песни. Автору настоящей монографии довелось слышать в чтении Вячеслава Иванова одну из песен „Рая“, переведенную со свойственным метру русского символизма торжественностью, архаичностью и поэтической силой. <...> К сожалению, дантовские переводы В. Иванова до сих пор остаются в рукописи» (*Голенищев-Кутузов И. Н.* Творчество Данте и мировая культура. М., 1971. С. 467—468). Л. В. Иванова также сообщает: «Долгое время шли разговоры о проекте, крайне привлекавшем Вячеслава, о переводе всей „Божественной Комедии“. Но из этого ничего не вышло» (*Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце. С. 161). Подробнее о работе Иванова над переводом «Божественной Комедии», а также публикацию сохранившегося фрагмента перевода см. в указанной монографии Памелы Дэвидсон (Р. 261—273).

⁸ *Лютер Артур (Артур Федорович)* (Luther, 1876—1955) — немецкий историк, переводчик и издатель русской литературы, родом из России (см. о нем: *Дудкин В. В.* Блок в Германии // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1993. Кн. 5. С. 283). Имеется в виду его «История русской литературы с древнейших времен до наших дней» (*Geschichte der russischen Literatur von den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart.* Leipzig, 1924); в ней кратко характеризуется творчество Иванова (С. 424—426), однако о работе поэта над переводом Данте ничего не сообщается.

⁹ См. примеч. 11 к п. 20. Вопросы о гонорарных ставках в «Беседе» Иванов касается в письме к В. Ф. Ходасевичу от 12 января 1925 г.: «...за 9 сонетов, т. е. 126 стихов по расцету, следовательно, 25—28 копеек за стих. Но ведь это ни на что не похоже! Принужденный дорожить здесь и теперь каждым грошом, я был приведен этим обстоятельством полностью в уныние» (Новый журнал. Нью-Йорк, 1960. Кн. 62. С. 287).

¹⁰ В письме от 4 ноября 1924 г. Чеботаревская касалась вопроса о переводе Ивановым на русский язык какой-либо книги для отечественного издательства — ради заработка: «Послезавтра у меня условлено свидание с одним издателем (частным), который хочет предложить вам перевод не одной, а нескольких книг, что может вас заинтересовать и материально. Книга в 10 лист<ов>, при ежедневной работе по 2 часа, переводится в 3 недели, а оплачивается все-таки суммою руб. в 250—300. Спрашивала я и Госиздат относительно итальянских классиков, но сейчас ничего не придет. Заведующий иностранным отделом, милый и образованный человек, говорит, что Госиздат возьмет от вас с радостью перевод как<ого>-нибудь романа из текущей итальянск<ой> беллетристики, но с условием: всего желательнее картины из жизни масс (не надо тенденции), из жизни трудящихся, можно роман-утопию, если он не пустой совсем, что-ниб<удь> из произведений молодых итальянских *тиалантливых* и по возможности демократически настроенных писателей (или, по крайней мере, с социальным уклоном). Я думаю, что Лилинка могла бы урвать у своей ревнивой музы полтора-два часа в день и посвятить их литературе, в виде пока переводной. Тогда вы могли бы проредактировать ее труд и скорее всего прислать заказною бандеролью на адрес (частные адреса недействительны) Госиздата: *заведующему иностранным отделом Ленинградского Госуд<арственн>-го Издательства Александру Николаевичу Горлину.* (Он дал разрешение и просил сообщить вам его адрес). <...> Лучше, конечно, прежде чем приступать к работе, ввиду того, что для Госиздата приемлемы романы только определенного *указанного типа*, — выбрав и купив книжку, прислать ее тому же Алек<сандру> Ник<олаевичу> Горлину и получить от него определенный на нее заказ (письменный) договор). Так он, по крайней мере, говорит. <...> Я Ал<ександру> Ник<олаевичу> Горлину переводила две книги и знаю, что деловые сношения с ним иметь приятно. Вы, наверное, теперь увидите с итальянскими историками литературы, которые могут вас познакомить с современными „новыми“ писателями. Д'Аннунцио, на-

пример», был бы для этой цели безнадежен, а свежая хорошенькая книжка с рассказами из жизни рыбаков — была бы весьма желательна».

¹¹ *Преццолини Джузеппе* (Prezzolini; 1882—1982) — итальянский литературный критик, журналист, издатель (совместно с Джованни Папини) философско-литературного журнала «Leonardo» и основатель (в 1908 г.) журнала «Voce» («Голос»), объединившего писателей самых различных направлений.

¹² *Собреро Марио* (Sobrero; 1883—1948) — итальянский прозаик; его роман «Pietro e Paolo» (Milano: Fratelli Treves, 1924) на русский язык переведен не был.

¹³ Сведениями об этом издании мы не располагаем (ср.: *Davidson Pamela*. Viacheslav Ivanov: a reference guide. New York, 1996. P. XXXVIII); ему предшествовало издание статьи Иванова «Достоевский и роман-трагедия» (Русская мысль. 1911. № 5, 6; *Иванов Вяч.* Борозды и Межи. Опыт эстетические и критические. М., 1916. С. 3—60) в переводе на немецкий Дмитрия Уманского: Dostojewsky und die Romantragödie. Leipzig, Wien: Verlag der Wiener Graphischen Werkstätte, 1922.

¹⁴ Рецензия Ф. Ф. Зелинского (Tadeusz Zieliński) на книгу Иванова «Дионис и прадионисийство» появилась в львовском журнале «Eos» в 1926 г. (Eos. Commentarii Societatis Philologiae Polonorum. Leopoli. Vol. 29. Str. 208—209).

¹⁵ С 1 февраля 1925 г. Бакинский университет считал Иванова находящимся «в отпуску без содержания». Официально Иванов числился профессором Бакинского университета до 1 июля 1925 г. (*Компелев Н. В.* Вяч. Иванов — профессор Бакинского университета. С. 335).

¹⁶ Имеется в виду А. Д. Скалдин, ездивший в это время по стране в качестве книготоргового агента. В письме к Иванову от 4 ноября 1924 г. Чеботаревская сообщила: «К сожалению, Алексей Дмитриевич, по-видимому, вынужден взять место, сопряженное с далекими и долгими отлучками — поездками по Сибири и Кавказу по книжным делам, т.е. как> что через неделю мы его лишимся, вероятно, надолго. Семья остается здесь».

¹⁷ Переживания разлуки с Ивановым отразились в дневниковой записи М. С. Альтмана от 21 сентября 1924 г. (*Альтман М. С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым. С. 279).

¹⁸ *Бренсон Теодоро* (Brenson; 1893—1959) — художник-график; родом из Риги, в Италии — член «Gruppo Romano Incisori Artisti», с 1941 г. — в США. Л. В. Иванова сообщает, что Иванов познакомился с ним через П. П. Муратова, поселившегося в Риме в конце 1923 г.: «Ходил к Муратову и художник Бренсон, латыш. Он выгравировал портрет Вячеслава, сидящего почему-то посреди площади дель Пополо, закутанного в большой черный плащ, а в небе — другой сюрприз — летит дирижабль» (*Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце. С. 153).

¹⁹ В письме от 4 января 1925 г. Чеботаревская сообщила: «Болезни мои, как и в прошлый раз, три года тому назад, хотя и имеют вид физических, но скорее исходят из другой области. Сейчас все они кончились, осталось только небольшое расширение сердца, которое я путем лечения и покоя скоро введу в рамки. Пришлось мне опять с уроном времени (целый год) и здоровья, снова вернуться к той тихой и внутренней жизни и работе, к которой я уже пришла в прошлом году».